

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ЖАЖДА КРОВИ

Атмосфера насилия в нашем обществе

БОРЬБА ЗА МИР ДО ПОЛНОГО РАЗГРОМА ПАЦИФИСТОВ

Из следственных дел старого режима

ПРОГРЕССИВНЫЙ ДРАКОН?

Перспективы бюрократического
реформизма

ISSN 0320 8001

7/90

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	2
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	
<u>Острый вопрос</u>	7
Н. ГОРЛОВА. Я БОЮСЬ	8
Ш. ТЕННИСОН. МУЖАЙТЕСЬ!	
<u>Беседы в редакции</u>	11
ЖАЖДА КРОВИ.	
Г. ПОМЕРАНЦ. ПОМРАЧЁННЫЙ УМ — Б. ХАЗАНОВ. ВОЗМЕЗДИЕ — С. АВЕРИНЦЕВ. КОГДА РУКА НЕ СОЖМЕТСЯ В КУЛАК — Л. САРАСКИНА. КАИНОВА ПЕЧАТЬ РЕВОЛЮЦИЙ — А. АДАМОВИЧ. ПОБЕГ ИЗ ЛАГЕРЯ ОБЩЕЙ ПАМЯТИ.	
<u>Актуальная тема</u>	30
В. ЛАПКИН, В. ПАНТИН. МНОГОПАРТИЙНЫЙ ДРАКОН	
<u>Эссе</u>	34
С. ШТЕХЕР. СВОБОДА, РАВЕНСТВО... ТАНКИ!	
<u>Что было, то было</u>	37
БОРЬБА ЗА МИР В СВЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ	
<u>Проблемы и суждения</u>	43
Г. ПАВЛОВСКИЙ. ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ	

На наших обложках: будни «социалистического рынка». Фото Сергея СЕМЁНОВА (г. Правдинск Горьковской области).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

«Уважаемая редакция...»

Почему мы молчим?

Страну захлестывает рознь — национальная, партийная, групповая. Сегодня, когда мы близки к состоянию, которое Гоббс называл «войной всех против всех», самым парадоксальным является почти полное отсутствие интереса к причинам этой, пока ещё сравнительно холодной войны. В самом этом молчании среди гласности чудится что-то зловещее: то ли страх перед возмездием, то ли безразличие гонимых на казнь жертв...

Почему мы молчим? Почему своим молчанием способствуем эскалации насилия? Неужели стена о революционном терроре и сталинском геноциде, мы вновь забываем, что главным условием уничтожения миллионов было наше молчание? Или снова — дрожь перед сильными мира сего?

Было бы наивным полагать, что вопрос, вынесенный в заглавие, как и другие поставленные вопросы, имеют однозначный ответ. Мы живём в плюралистическом мире множества правд и в зависимости от позиции, которую в нём занимаем, даём разные, порой взаимоиск-

лючающие ответы. Там, где представители неформалов видят руку партократии, там партократы видят «звериный оскал рвущихся к власти». Интересно, а что видят наши славные учёные-общественники? Наши доблестные академики, вчера подписывавшие доносы на академика Сахарова, а сегодня — некрологи ему? Наши смелые в обличительном топоте депутаты? Почему молчат они?

Кому выгодно, чтобы никто не анализировал причин конфронтации, даже ведущих к крови? Кто и почему поддерживает половинчатые законы, которым не суждено, как прерванному половому акту, привести к зачатию?

Один человек не в состоянии ответить на все эти и множество других подобных вопросов. Но мне кажется, что сами эти вопросы уже заключают в себе некую часть той множественной правды, которую сегодня так страшно выговорить нашим профессиональным патриотам.

Г. ФИЛОНОВ,
г. Харьков.

Лозунг: плати налоги

Хотелось бы поделиться с читателями размышлениями о нашем каноническом лозунге «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Внутреннее неприятие его человеком, неосознание, а отсюда и его фактическое несрабатывание, заключено в безоговорочном импера-

тиве: «От каждого — взять!» Государство как бы ставит своей главной задачей **взять** от индивидуума всё, на что он способен (от рождения, происхождения, развития, воспитания и т. д.). Если грубее — то выжать из человека все, на что он способен. А потом уже государство по своему усмотрению может что-то частично отдать человеку назад — «по труду».

Представляется, что человеческая сущность внутренне настроена на другой лозунг: **«Каждому — по способностям, от каждого — по труду»**. Здесь человек чувствует, что общество стремится создать условия (политические, экономические, юри-

дические и т. п.) для созидательного труда по способностям. Вторая часть лозунга «от каждого — по труду» — это же **налог!** Налог чёткий, заранее известный, стабильный, воспринимаемый и понимаемый человеком как обоснованный.

По первому лозунгу от человека отторгается всё, что он сделал, потом часть отнятого возвращается.

По второму лозунгу человеку помогают сделать всё, на что он способен, а потом долю приобретённого человек отдаёт сам. Сам отдаёт!

Геннадий ИЛЬИНЫХ,
г. Новосибирск.

Пролетарии всех стран — выручайте!

У меня есть предложение, на мой взгляд — вполне разумное и дельное; во всяком случае, попытаться реализовать его было бы более порядочным, чем породить военно-промышленную пирамиду над могилой «развитого социализма» (предложенную в «Сценарии Икс», 10/89).

Предлагаемые мною шаги:

Съезду народных депутатов СССР разработать обращение народов, населяющих нашу страну, к международной обществу. Адресат — Организация Объединённых Наций в лице ее высшего органа — Генеральной Ассамблеи. Разработать Закон о всенародном референдуме и первым представить на него указанный документ. Содержание обращения — просьба об оказании помощи нашей стране со стороны ООН в деле разработки и поэтапного внедрения: — общественно-политического устройства,

— экономического механизма, соответствующих современному мировому уровню и нашим особенностям. Эта помощь должна оказываться не даром, а на компенсационной основе и с учетом интересов международного сообщества (в частности,

по предотвращению «варианта Икс»).

Структуры и механизмы, существующие в нашей стране на сегодняшний день, объявляются временными и видоизменяются (или отменяются) в течение заранее обусловленного периода по разработанному графику.

На всё время действия договора с международным сообществом неизменными и гарантированными признаются:

— права населения, предусмотренные Всеобщей декларацией прав человека,

— внешние границы страны.

При достижении договоренности о выполнении «ремонта и реконструкции» общественно-политического устройства и экономического механизма нашей страны для выполнения этой (беспрецедентной в мировой истории) миссии международное сообщество разрабатывает соответствующие структуры в ООН, включая честный и эффективный контроль за ходом процесса.

Владимир ЛАРИН,
пос. Полярные Зори
Мурманской обл.

Мы, наркоманы

Объявленное не так давно усиление борьбы с преступностью (в средствах массовой информации это называют проще и понятнее — война с преступностью) ставит нас, советских заключённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в положение военнопленных со всеми вытекающими из этого последствиями. Поскольку ваш журнал издаётся Советским комитетом защиты мира, то я считаю возможным и, более того, необходимым обратиться к вам с вопросом о судьбе нескольких десятков тысяч советских граждан, страдающих наркоманией, которые в настоящее время отбывают наказание в местах лишения свободы. Вина многих из них перед обществом заключается, как указано в приговорах, в «незаконном приобретении, хранении, перевозке и изготовлении без цели сбыта наркотических средств» (статья 224, п. 3, 4 УК РСФСР).

Несмотря на многочисленные выступления и публикации советских и зарубежных специалистов о нецелесообразности и пагубности применения репрессивных, карательных мер в отношении людей, страдающих наркоманией, наше государство и общество продолжают вести «боевые» действия, что отражается не только на самих наркоманах, но и на обществе в целом. Более того, в последние годы борьба (война) с наркоманией приобрела такое качество и такие размеры, что на языке международных отношений может быть названо лишь одним словом — **геноцид!** Средства массовой информации зачастую предвзято и тенденциозно освещают вопросы, связанные с проблемами наркомании, и тем самым способствуют применению и оправданию применения жестокого и антигуманного законодательства.

В связи с массовым применением репрессивных мер к лицам, официально признанными больными людьми, хочу сказать следующее.

1. Общество и государство, не способные проводить профилактическую и разъяснительную работу о вреде наркотиков, их пагубном воздействии на моральное и физическое состояние человека, не имеют морального права на лишение свободы своих граждан, «виновных» лишь в приобретении и употреблении наркотических средств.

2. Объявленные «вне закона» наркоманы, приобретая и употребляя наркотические средства, уже совершают этим самым «преступление», за что, в соответствии с действующим законодательством, они водворяются в места лишения свободы, каковыми, по сути, являются не только официально объявленные исправительно-трудовые колонии, но и реально существующие лечебно-трудовые и воспитательно-трудовые профилактории.

3. Декларируемая в Советском Союзе борьба с наркоманией, в действительности является лишь антигуманной кампанией против наркоманов: никаких программ либо конкретных мер по борьбе со сбытом, распространением наркотиков государством не предложено и не проводится, вся «сила» МВД СССР направлена на применение репрессивных мер к лицам, приобретающим и употребляющим наркотики.

4. Содержание наркоманов в исправительно-трудовых лагерях, то есть в одинаковых условиях и зачастую совместно с общеуголовным элементом, противоречит как общечеловеческой логике, так и пониманию комплекса проблем наркомании: исправительно-воспитательно-лечебно-трудовые учреждения являются местом, где происходит интеграция наркоманов с общеуголовным элементом, что, несомненно, влечёт за собой появление в обществе ещё большего количества профессиональных преступников; равным образом, совместное содержание способствует увеличению числа лиц из

общеуголовного элемента, начавшего употреблять наркотики.

5. Существующие в настоящее время в СССР специализированные учреждения (лечебно-трудовые и воспитательно-трудовые профилактории) являются, по сути, карательными учреждениями, так как по своей структуре, направленности, производственно-техническим характеристикам они отвечают всем требованиям исправительно-трудовых учреждений (колоний, лагерей).

6. Отсутствие научно и социально обоснованных методов лечения, полное отсутствие квалифицированных специалистов и медикаментозных средств ставит под сомнение целесообразность применения всего комплекса мероприятий, именуемых в специальной литературе как «принудительное лечение от наркомании». Существующий комплекс лечебно-исправительных мероприятий

приводит пока наркоманов лишь к абсолютно ненужным физическим и моральным страданиям, не принося обществу и государству никаких положительных результатов.

Изложенные выше меры по борьбе с наркоманией предпринимаются по отношению к большому количеству людей: неофициальное число наркоманов у нас, по оценкам специалистов, составляет около 800 000 человек, причем, главным образом, молодые люди. В сферу этих мер попадают матери, жены, дети наркоманов.

Еще несправедливость — профилактические, а по сути, дискриминационные меры: увольнение с работы, отчисление с места учебы, запреты на профессию.

Владимир ФИЛИППОВ,
г. Омск, пос. Береговой,
учреждение УХ 16/2, 4-ый отряд.

Мало...

В переломные моменты истории, когда пропадает хлеб и обостряется работа ума, сознание приходит в возбуждённое состояние. В состоянии такого возбуждения или эйфории возможны кровотечения, но возможен и выход тех чудищ, которых порождает сон разума. Это подтверждается событиями наших дней — обилием «образов врага», запоздалых прозрений, чудовищных завихрений, но и — искренним стремлением понять, что же с нами произошло.

Парадокс заключается в том, что — **ничего!** Просто то, о чём давным-давно предостерегали Гоголь, Достоевский, Николай Успенский, Соловьёв, Мережковский, Бердяев, Ильин, Шестов, а на Западе Сантаяна, Ортега, Ясперс, вдруг стало явью для многих, а Чичиковы, Ноздрёвы, Хлестаковы, Смердяковы, Шигалёвы и Верховенские из абстрактных литературных героев вдруг обратились в на-

ших современников, соседей, начальников, вождей. И — в чём никто не признаётся — в нас самих. Грядущий Хам, о котором предостерегал Мережковский, вдруг обернулся нашим современником.

Да — обо всём, что мы узнаём сегодня, в античные времена уже писали Теофраст, Аристофан и Лукиан, затем Шекспир, Бен Джонсон, Мандевиль, Паскаль и Лабрюйер, затем Свифт, в XIX веке — Кьеркегор, наши классики, особенно Гоголь и Достоевский. Правда, среди их героев маловато «жидомасонов», но там сказано о нас всё. Настолько всё, что к «Мёртвым душам» или к «Бесам» нечего и добавить.

Почему мы так долго не воспринимали Джойса, Кафку, литературу абсурда? Почему пренебрегали Фрейдом, Адлером и Юнгом? Зачем боролся с бихевиоризмом? Почему десятки научных дисциплин о челове-

ке — от вайоленсологии до социальной этологии — были у нас под запретом? Да всё потому, что мы исповедовали идеи мессианства и «научной» апокалиптики.

Всё худшее, что случалось в России, появлялось в обличье громогласного добра, великого соблазна, последней надежды. И никакие, даже самые страшные, исторические уроки не отучили нас от абсолютизма веры в осуществление «великих идей». Нам чужды субъективность, относительность, сомнение — всё разнообразие жизни. Мы вышли из призрачного мессианского мира собственного деформированного сознания и не сможем жить нормально до тех пор, пока

не признаем себе в этих деформациях.

Русская апокалиптичность, писал Бердяев, есть разгорячённое ожидание чуда, которое должно оплодотворить жизнь. В этом заключается внутренняя болезнь русского духа, болезнь с тяжёлыми последствиями, излечиться от которой можно лишь после страшного кризиса, когда «весь организм русского народа будет близок к смерти».

Так, может быть, после многовековых испытаний, после рек крови и миллионов жертв хоть этот момент для нас наступил? Или — всё ещё мало?

И. ИВАНЦОВ,
г. Харьков.

Беднота! Иди, куда хочешь!

Паспортная система, кабальная прописка, скрупулёзное заполнение анкет (по поводу и без повода) — всё это зримые элементы несвободы, ограничивающие права советских людей и унижающие их достоинство. Несогласным, считающим, что нужны и паспорта, и анкеты, «ну, а уж прописка просто необходима» (цитирую читательское письмо в «Огоньке»), целесообразно напомнить, что отмена паспортов и свобода передвижения входили в число программных требований Российской социал-демократической рабочей партии, боровшейся за освобождение трудящихся. Об этом наглядно свидетельствуют работы В. И. Ленина.

«Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895): «Русская социал-демократическая партия требует прежде всего:... 8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.» (ПСС, т. 2, с. 85).

«Проект программы нашей пар-

тии» (1899): «Переходим к практической части программы... 6) свободы передвижений и занятий... полной отмены паспортов» (т. 4, с. 224).

«К деревенской бедноте» (1903): «Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения? Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно» (т. 7, с. 169).

Прописка или иная форма закабаления несовместима ни с цивилизованным обществом, ни с правовым государством.

Б. БЕЛЕНЬКИЙ,
г. Ленинград.

Я БОЮСЬ

Что произойдет у нас через пять лет — это относится к сфере гаданий. Важно, что произойдет в течение этого года, — именно от этого зависит и что будет дальше.

А БУДЕТ СТРАШНЫЙ ГОД: год «смуты», год «взрыва активности» в стране, где «активность» значит смуту, народный гнев (в том виде, который страшен), народный вопль, народный бунт — кровавый и беспощадный... Под понятием «страна» имеется в виду Россия — большая половина страны, метрополия ее halvина.

Этот взрыв народного гнева уже начался и всем виден: рост озлобленности, усиление национал-снобизма, осознание своей великости, «самости», видение своего особого пути. Проявления этого народного гнева — «Память», Лигачев, писатели РСФСР — принимаются за случайно сохранившиеся пережитки. А ведь это все — русский консерватизм, все это «ВЕЛИКОРУССКИЙ ДУХ» (или же «русский дух» — по вкусу). Страшен год грядет — страшен тем этот год, что вздыбливается Русь, поднимает из-под тонкого слоя свои силы.

Страшным видится мне это лето — лето отделения Прибалтики, лето начала Абалкинских реформ, лето христианизации и исламизации (т. е. возрождения духовности, причем разной в пределах одного государства). Лето «Памяти»?

Настроение народа не зависит от начала верхушечных перемен. ДЫШИТ ВУЛКАН. Настал кризис верхов и низов в форме «клинча» (верхи не могут, потому что низы не знают,

чего хотят; низы не знают, чего хотят, потому что верхи не могут). Слой интеллигенции слишком хрупок — слой народа слишком темен (темен и по цвету своих желаний).

«Память», Кашпировский, Лигачев — вот что характерно для духа великорусского, исконного; космополитизм, Сахаров, Абалкин, Собчак, Денисов, Яковлев и т. п. — все это наносное, то есть тонкое и легко сдвигаемое, потому что у этого нет корней — это «зерно, брошенное на камни и проросшее там».

Страшен год грядет — и этот год будет борьбой темного духа за свою темную идею. Разлито в воздухе нетерпение радикалов и экстремистов, сжимающих находящихся между ними трезво мыслящих либералов с неотвратимостью бетонных плит. Не дано либералам выскользнуть в центристы — не характерна для них скользкость.

Следующими жертвами будут радикалы — как объект для борьбы великорусского духа с нездоровым «русскоязычным» духом.

Центристы же всё поймут тогда, когда наступит их судный час, — и тогда уже и остановят ослабевший к тому времени напор стихии. Да только к тому времени не будет ни Абалкина, ни Собчака, ни Денисова, ни всего тонконогого и тонкошеего слоя интеллигенции.

Интересно только одно — где будем мы и как скоро там будем?

Наталья ГОРЛОВА,
г. Москва.

МУЖАЙТЕСЬ!

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Мы понимаем, что вы и ваш народ сейчас переживаете моральный кризис, устали от нехваток, пессимистически смотрите на реформы, и лежащий впереди путь кажется вам почти непреодолимым, даже если он таковым вовсе не является. В конце Второй мировой войны один европейский специалист заявил, увидев разрушения, причинённые войной вашей стране, что «если Советский Союз выживет, ему потребуется сто лет для восстановления».

Вы ужасаетесь, читая о разоблачениях, касающихся вашей недавней истории. Но ни один такой материал не является обвинением против вашего народа. Напротив, весь мир восхищается достижениями советских людей, совершёнными несмотря на террор, развязанный Сталиным и его подручными.

Я бы хотела, чтобы вы узнали о том, что ваша страна, ваш народ, ваш президент Горбачёв вызывают у всего мира восхищение и уважение. Это — новый феномен. Парадоксально, что раньше, когда вы так гордились собой, окружающий мир не мог видеть ваши лица и слышать ваши слова, и общее представление о вашей стране было довольно сомнительным. Сегодня ситуация перевернулась: вы подавлены и к самим себе относитесь плохо, в то время как мир относит к вам и с большим уважением относится к тому, что происходит в вашей стране.

Мы, американцы, боимся за вас. Мы видим в вас так много ценного, воспитанного и сознательно, и благодаря обстоятельствам, и боимся, что всё это может быть утрачено в хаосе перемен. Возможно, мы видим в вашем обществе то, чего вы сами не замечаете. Может быть, вам будет интересно узнать, о каких качествах советского народа больше всего говорят иностранцы, возвратившись из вашей страны? Вот некоторые из них.

Американцы удивлены высоким образовательным уровнем у рядовых советских людей, отнюдь не относящихся к элите общества. Советский водитель автобуса может слушать оперу, ожидая, пока его группа американских туристов возвратится с экскурсии. Советские школьники знают не только Пушкина и Горького, но и Платона, Ганса Христиана Андерсена, Уильяма Фолкнера и т.д. Простые советские люди гораздо лучше ориентируются в мировой литературе, чем мы, иностранцы, одинакового с ними интеллектуального и образовательного уровня. Это социальное качество имеет большое значение для общества.

У вас американцы видят столько внимания к престарелым членам семьи, сколько у нас можно встретить довольно редко. Когда советские люди говорят, что не подумают даже поместить своих уже не могущих за собой ухаживать родственников в дом престарелых, они так и поступают.

Забота о пожилых людях, осуществляемая независимо от обстоятельств личной жизни, — это человеческая черта, которая, к сожалению, улетучилась из сознания большинства людей на Западе.

Американцев восхищает та гордость, с которой советские граждане относятся к истории своих городов, к зданиям, мостам и памятникам. Редкий американец знает что-нибудь из архитектурной истории своего города, его зданий и мостов. Я догадываюсь, что эти знания происходят из глубокого чувства причастности к своей истории, которое мы замечаем у вашего народа. Это качество придаёт большее значение и перспективу личной и общественной жизни, чем это доступно нам на Западе.

Мы с удивлением обнаруживаем, что даже в отдалённых районах вашей громадной страны (там, где большая часть населения была неграмотной ещё 70 лет назад) — в Батуми, Сочи, Ленинкане, Алма-Ате, Иркутске, Махачкале и т.д. — прохожие высказывают удивительное знание иностранных языков. Если они не знают английского, то спрашивают нас, говорим ли мы по-немецки, по-французски, по-испански. Очень часто они владеют иностранным (иногда не одним) языком просто великолепно. На этом фоне наше собственное одноязычие кажется нам достойным сожаления. Это тем более удивительно, принимая во внимание закрытость ваших границ на протяжении всей вашей истории и отсутствие контактов с международным сообществом.

При контакте с советскими людьми средний американец испытывает, я бы сказала, благоговение перед уровнем культурного и художественного образования у простых советских людей. Их уровень знакомства с великими музыкальными произведениями, творчеством великих художников и

поэтов, а также с классическим танцем заставляет нас задумываться об уровне культуры наших детей, о том, что им даст наше телевидение и школа.

Наконец, у вас есть честность, скромность и духовная глубина, которые привлекают западных людей. Обозреватель газеты «Крисчен сайенс монитор» Руш Киддер, которого я имела удовольствие сопровождать в поездке по СССР в 1989 году, говорил потом: «За две недели, что я провёл в СССР, я участвовал в большем числе глубоких и содержательных дискуссий, чем за два последних года в США». Это замечание сходно с высказываниями других американцев, объясняющих, почему СССР и его народ притягательны для них. В вас мы находим реальность, основательность и связь с корнями. Всё это питает какие-то глубинные потребности в нас самих. Мы так многому можем у вас научиться.

Мы бы хотели, чтобы вы серьёзно подумали об этом сейчас, в начале 90-х, когда ваше общество вступает в период быстрых социальных перемен. Мы надеемся, что по мере развития контактов между нашими странами вы не только научитесь у нас тому, как достигать успехов в области материального производства, но также, что у вас хватит мудрости избежать ошибок, совершённых нашим обществом.

Мы знаем, что сейчас в СССР преобладают фатализм и пессимизм. От вас потребуются определенные волевые усилия для того, чтобы отвергнуть цинизм. Вам необходимо выработать определённые позитивные альтернативы — как если бы от этого зависела сама ваша жизнь. А ведь ваша жизнь действительно может зависеть от этого! В душе мы, люди, должны выбрать надежду, независимо от того, что происходит вокруг нас. Надежда — не для глупых и лег-

коверных. Она — для тех, кто силен и смел, кто стремится подчинить невидимые силы, внутренне присущие человеку, задаче созидания нового.

Я помню первые собрания членов нашей небольшой группы в 1980 году. Все, кого мы знали, чувствовали, что взаимное уничтожение США и СССР — а также уничтожение всего мира — только вопрос времени. Однако мы чувствовали необходимость что-нибудь предпринять, даже если это будет очень наивным. К тому же выводу приходили и другие небольшие группы граждан по всем Соединённым Штатам. Мы были похожи на птиц, бьющихся против бури. Да, великий перелом в «холодной войне» произошёл прежде всего благодаря политическому таланту президента Горбачёва, благодаря его встречам на международном уровне, но и общественное мнение тоже сыграло здесь большую роль. Подъём контактов и обменов на уровне простых людей, имевший место в 80-е годы, оказал очень благоприятное влияние на общественное сознание в США; особенно это касается людей с негативными стереотипами по отношению к вашей стране и её народу.

Мы убеждены, что будущее мира — в руках обыкновенных людей. Задача в том, чтобы понять, что **никто за нас этого не сделает**, создать небольшие центры, излучающие положительную энергию, построить ячейки «человеческого фактора», где мы могли бы объединить свои усилия с усилиями других людей, ведущих работу по формированию нового мировоззрения, учиться организации и управлению на микроуровне, предпринимать маленькие, но ощутимые действия и быть готовыми к следующему шагу, так как он с необходимостью должен последовать за первым шагом.

Вы дороги нам. Мы чувствуем неразрывную связь между нашим и вашим будущим. Будет правильно и целесообразно, если мы и вы возьмёмся за руки для совместного преодоления грядущих бед.

**Шарон ТЕННИСОН,
Центр Советско-Американской
Инициативы,
Сан-Франциско,
штат Калифорния,
США.**

ЖАЖДА КРОВИ

Наши интеллектуальные привычки заставляют нас сводить нынешние несчастья к базису, к экономической разрухе. Но во многих случаях беда приходит с другой стороны. Так, как начиналось в Ольстере, в Ливане — с этноконфессиональных обид; или как в Иране — с протеста против натиска западной культуры... На «круглом столе», проведенном в редакции, речь шла о психологической напряженности, вызывающей взрывы. О школе ненависти, в которой народы нашей страны находятся десятки лет, о роли и вине средств массовой информации.

Неотложность сегодняшней задачи — отказаться от поисков козла отпущения, найти путь к пониманию совиновности, о которой говорит у Достоевского Зосима (все мы друг перед другом виноваты), и к терпимости, а в перспективе — к взаимному пониманию и сотрудничеству больших и малых культур, связанных историей в один узел Евразии.

Помрачённый ум

Григорий ПОМЕРАНЦ

В газете «Московские новости» в репортаже, где рассказывалось о гибели младшего лейтенанта Гусева, были приведены слова одного солдата: «Лица кировабадской толпы были какие-то сомнамбулические, напоминали публику рок-концерта». Я подумал, что если кировабадская толпа, убившая Гусева, напоминала публику рок-концерта, то, видимо, и наоборот: публика рок-концерта может напомнить о кировабадской толпе. И публика футбольного матча, и публика Кашпировского на стадионе... Ви-

димо, что-то в нашей жизни вызывает потребность в особых формах разрядки, в массовых регрессиях к чему-то вроде пляски дикаря. Нужны удары по оступившим нервам и состояние транса, и иногда возникает массовое безумие, побоища между болельщиками разных наций. Видимо, это невозможно до конца искоренить, не изменив всего стиля жизни. Можно только сдерживать, обуздывать цивилизацией, разумом.

Массовая культура XX века чревата взрывами, и это сказывается на

всем, в том числе и в поведении противников массовой культуры, например, писателей на пленуме правления СП РСФСР этой зимой. Они очень мало отличались от футбольных болельщиков, которые воют, когда мяч попадает в ворота. Представьте себе славянофилов XIX века — разве они так себя вели? Даже на скачках, на футболе люди в XIX веке держались спокойнее. Какое-то уродство пронизывает всю нашу жизнь: она вся перенапряжена и неврастенична.

На это общее явление накладывает школа ненависти, в которой мы сидим семьдесят пять лет. Потому что все это началось, по верному замечанию Пастернака, в 1914 году, когда с помощью газет была создана массовая истерическая обстановка ненависти; сперва, конечно, к немцам, но после конца войны ненависть просто переменяла направление, перешла на буржуев, на Антанту, на социал-предателей, троцкистов, кулаков, опять на троцкистов, опять на немцев, на космополитов, сионистов, масонов. Состояние постоянной ненависти — это тяжелая болезнь. В других странах были отдельные взрывы, вызванные войнами. У нас же школа ненависти длится без передышки семьдесят пять лет. И она создала совершенно особую истерическую обстановку, привычку к ненависти. Даже поворот к религии не всегда меняет психологию, многие неохоты сразу же знают, кого им надо ненавидеть, разумеется, как врагов христианства. Хотя христианство — религия любви, и св. Силуан Афонский учил: тот, кто не любит своих врагов, не христианин; он вне Бога, он слуга дьявола, какими бы святыми целями ни прикрывалась ненависть.

Вот в таком состоянии общества, когда здравомыслящие люди впадают в состояние апатии, а люди, склонные к истерике, напротив, очень

активны, нам приходится решать проблему, которая не решена и в странах, развивавшихся более благополучно, — проблему взаимопонимания культурных миров. Мы очень долго не замечали, что граница между христианством и исламом проходит внутри нашей страны и возрождение православия не просто сочетается с возрождением ислама...

Наша внешняя политика поддерживала народы колоний против колонизаторов безусловно, безоговорочно — даже если борьба принимала формы терроризма. Сейчас это привело к внутривнутриполитическим последствиям: центральное телевидение научило, как вести интифаду, и вдруг оказалось, что можно бросать камни не только в израильские машины и бросать бомбы не только в английских колонизаторов. Как тут избежать столкновений, погромов, резни?

Без решения этой проблемы у нас не просто будет кровь — какая-то кровь неизбежна при развале империи — но будет большая кровь, потому что нет общей святыни, общей точки мира, общей точки затихания, с которой можно взглянуть на проблемы из спокойной глубины — перечеркнуть все старые обиды, жажду возмездия, все накопившееся раздражение и ненависть и увидеть эти проблемы просто и ясно, так, как видел их, скажем, А. Д. Сахаров. Он их так видел потому, что в его сознании обиды не застревали, не загнаивались. Потому что он, как говорит Елена Георгиевна Боннэр, был счастливый человек, то есть человек, не помнящий обид и не думавший об обидах, а думавший о сути дела. Как к этому прийти, какие к этому пути — вот, мне кажется, о чем нам надо думать и говорить.

Я не верю ни в какую неизбежность. Почти из каждого положения есть разумный выход. Но люди отпускают его, если ум их помрачен.

Катастрофы можно избежать, если в нас самих возникает состояние внутренней тишины, свободы от порабощающих нас страстей. В эту минуту к нам приходит некое видение вещей, как они есть. Пропадают призраки, которые сбивают с толку, призраки нарушенных табу, каких-то оскорбленных святых, за которые надо мстить, и т. д.

И прежде всего, надо собрать меньшинство, которое до какой-то степени уже прикоснулось к этим состояниям и может помочь другим выйти из начинающегося безумия. Первая задача — локализовать безумие и остановить процесс нарастания истерики, где его еще можно остановить. Все зависит от каждого из нас. И от духовно здорового и трезвого использования тех средств, которые нам дает современная система телекоммуникаций. Массовая истерия ненависти в значительной степени создана именно этими средствами, и неотложная политическая задача состоит в том, чтобы использовать их же, чтобы как-то эту истерию придержать.

Мне кажется, очень важно не дать личности потонуть в океане коллективных эмоций. Толпа в конце концов состоит из людей, и обратиться можно по отдельности к каждому человеку. Мне хочется подчеркнуть, что в отличие от множества движений, которые ставят себе политические и национальные цели, надо создать движение в защиту личности. Для этого движения важнее всего не то, как сложатся, допустим, отношения между Россией и Азербайджаном и между Россией и Латвией, а чтобы люди в процессе конфликтов, которые неизбежны, сохраняли человеческое лицо. А это означает, в частности, что стиль полемики в известной степени важнее ее предмета. Сохранять человеческий стиль полемики,

человеческий подход к конфликтам — вот это должно быть, мне кажется, сегодня основным. Нет ничего, заслуживающего слепой ненависти. Нет ничего, заслуживающего слепой любви. Чем более святым представляется предмет адепту движения, тем легче возникает иллюзия, что ради этой святой цели разрешены все средства. Главный урок революции — что цель не оправдывает средств, что дурные средства пожирают любую цель и губят ее рыцарей.

Люди легко собираются в толпу. Они сейчас сбиты с толку, не знают, что делать, и потеряли иммунитет против лжепророков. Люди сами ищут вождей и пророков, за которыми можно пойти. Но интеллигенция не должна поддаваться этой массовой болезни. Увы, даже образованные люди чувствуют себя сейчас растерянными в новой, очень сложной обстановке и ищут, за кого бы ухватиться. По количеству пророков на душу населения наша страна, думаю, может конкурировать с Африкой. Это показывает состояние нашего общества, растерянность людей, которых отучили от самостоятельности. Они действительно легко сбиваются в толпу около лжепророков. Но это движение, ведущее к катастрофе, в сторону того, что произошло в Германии 30-х годов. Мы должны противиться этому всеми силами, мы должны обращаться к личности, пока она еще не слилась с толпой.

Сейчас мало кто станет романтизировать идею, что история движется вперед только кровью. Но речь о другом — о том, чтобы понять людей, которые начинают бросать бомбы. Они бросают бомбы в мировое зло. Наша революция начиналась на довольно высокой, рыцарской ноте. Скажем, Каляев считал, что он вынужден взять жизнь великого князя Сергея Александровича. Но как нравст-

венный человек, он не может взять чужую жизнь, не отдав свою. Он отказался от просьбы о помиловании, хотя его умоляла об этом великая княгиня. Потом эта деликатность была отброшена.

Христианство тоже не устояло перед искушениями. Сперва ранние христиане рвались навстречу мукам, потому что им казалось, что это лучший путь на небо. Потом они сочли возможным и других подвергать мучениям, чтобы спасти их души от вечной гибели. Человеческие страсти отлично умеют маскироваться высокими идеями. Революция гораздо быстрее вырождалась, чем христианство, она не имела тех глубин, в которых ненависть гаснет и возвращается любовь. В великой религии всегда есть такая глубина, где тонут страх и ненависть, — по крайней мере у святых, у подвижников. У революции ничего кроме идеологии не было. И ненависть рванулась через край. Поворот к зверству начался с Великой французской революции, потому что на место Христа она поставила культ разума, культ теории. А где культ теории, там и террор. Началась власть идеологии. А идеологию, как показал опыт, очень легко повернуть к зверству. Хотя началась идеология с протеста против зверства, окрашенного религиозными идеями. Грехи религии вызвали поворот к идеологии, а идеология оказалась еще более доступной греху.

Примерно со времен Великой французской революции сдвинулось традиционное мышление, основанное в значительной степени на метафорах и фундаменталистском, буквальном их понимании. Все распаталось под влиянием бурного развития научной мысли. И вместо более тонкой интерпретации метафор (Бог сотворил мир в шесть дней и т. д.), их просто отбросили. Между тем, через эти метафоры выражено некоторое чувство

целого, которое неметафорически вообще не может быть выражено адекватно. Но под влиянием естественного отталкивания от фундаменталистского толкования религиозных метафор возникла надежда заменить все это научным мировоззрением.

Опыт показал, что наука, строго говоря, мировоззрения не дает. Потому что нет единой науки. Есть биология, есть физика и т. д. И вместо науки возникли однониточные теории. То есть из ковра истории, в который вплетаются миллионы нитей, выдерживается какая-то одна нить и объявляется, что эта нить и есть сущность дела. (У нас так, в лоб, и твердили: «Красной нитью проходит...») Это базис, так сказать. Базис нажимает на педали, и вертятся колеса надстроек. Главной ниточкой становятся «производительные силы» или «борьба рас», «борьба этносов».

Любая однониточная теория создает иллюзию знания у вождей, и те увлекают за собой массы. Наше учение непобедимо, потому что оно верно... Хотя, надо сказать, оно противоположно другому однониточному учению, такому же непобедимому и такому же истинному. Но вождь уверен в своем знании и смело идет, как панургов баран, в пропасть. А за ним устремляются народы. Наступает разочарование, и однониточную теорию отбрасывают ради другой однониточной.

Мы сейчас все стали умные, мы понимаем, что Маркс ошибся, Ленин ошибся. Однониточная теория идет в ход тогда, когда конструирует желаемое. Скажем, избавляет нас от чувства стыда за свое отечество или что-нибудь в этом роде. Причем, если нам очень чего-то хочется, мы перестаем замечать грубейшие логические провалы. А потом удивляемся: что за дураки были наши отцы!

Здесь интересно коснуться и роли

науки. Зло иногда исходит не только из полунауки и антинауки, но из науки самой по себе. В век религии ненависть оправдывала себя религией, религиозным фанатизмом, а в век науки — научным, статистическим методом. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба», помните, Штрум рассуждает, что многие отвратительные, страшные действия вытекали из научного мышления. Зачем разбирать, какой этот крестьянин, хороший или плохой? Мы ликвидируем всех кулаков. Зачем разбирать, каков этот еврей, хороший или плохой? Мы ликвидируем всех.

Идея ликвидации кулачества как класса или окончательного решения еврейского вопроса не только сформулирована в научных терминах, она, по сути, может быть названа побочной дочерью науки, научного подхода к явлениям. Величайшие злодеяния XX века делались во имя теории (классовой борьбы или расовой борьбы). Привычки точных наук приносятся в историю, где каждая личность бесконечно сложна и качественно богата, и предлагается отвлечься от этой бесконечности и этого богатства, трактовать человека как винтик, штифтик — тогда, мол, мы придём к таким же блестящим результатам, как в физике.

«Разум — простофиля чувства». Это сказал еще Ларошфуко в XVII веке, в эпоху рационализма. И для того, чтобы разрушить обаяние какой-то ложной теории, надо распознать, на какие чувства она отвечает, какое желание конструирует.

Когда Стравинский приехал в Америку, то американцы под впечатлением необычности его музыки назвали его музыкальным революционером. Стравинский был в ужасе и говорил, что никакой он не революционер. Для него революция пахла трупам, а для американцев — войной за независимость, Джорджем Ва-

шингтоном. Американская революция прошла в рамках религиозной морали — она ничего не разрушала. Наша же провозгласила, что цель оправдывает средства, что нравственно то, что полезно для революции, и в результате этой глубинной нравственной ошибки революция потом пожрала и самих революционеров, и миллионы невинных жертв. Глубинная разница между религиозным мировоззрением и идеологией в том, что религия есть связь с вечностью. Она не может гарантировать человеку, что, осеняя себя крестным знамением, он обретает эту связь. Но религиозное чувство помогает человеку реально испытать ощущение вечности и в этом ощущении найти точку, с которой он увидит свои собственные страсти, какие они есть. Уже с этой точки зрения человек видит самого себя, в том числе свое подсознание. И тогда действует то правило, которое сформулировал Кришнамурти: если вы увидите реальность зависти так, как вы видите реальность кобры, то броситесь от нее бежать, как от кобры.

Последний, вернейший выход из всех противоречий, в которых мы застряли, оторвавшись от вечности, — это восстановление чувства вечности. Не просто формальное возвращение в какое-то религиозное лоно, а восстановление чувства. Такое возрождение невозможно ежеминутно и в массовом масштабе. Оно неизбежно будет происходить только индивидуально, в каждом отдельном человеке, но задача борьбы с ненавистью нераздельна от задачи пробуждения чувства вечности. Это единственная точка, в которой гаснет обида. Гаснет раздражение. Гаснет все, что должно быть погашено. Я встречал людей, проживших долгую трудную жизнь без обиды, без ненависти, без жажды возмездия. У всех этих людей было чувство вечности.

Когда рука не сожмётся в кулак

Сергей АВЕРИНЦЕВ

Очень важно понять, что нетолерантность и ксенофобия в XX веке (по крайней мере, у нас и дальше на запад — о Востоке предпочту не говорить) имеют некоторые качества, которые делают их принципиально несравнимыми с нетолерантностью и ксенофобией в обществах каких угодно былых времен. По той же причине, по которой тоталитаризм нельзя приравнивать к старинному деспотизму, и новую нетерпимость мыслимо сопоставлять со старой лишь по сугубо внешним признакам. Ибо люди никогда еще не были так оторваны от корней, а потому власть ностальгии по «почве» не становилась такой иррациональной. В прошлом повсюду сохранялся некоторый естественный взаимоупор между закрытостью и открытостью этноса или культурно-конфессиональной группы, между консервативной силой инерции и прогрессом и т. д. Во всех обществах ни один, ни другой принцип не мог сделаться абсолютным, ибо каждый из них имел под собой конкретные, жизненные основания. Люди на самом деле принадлежали к некоторой утраченной бытовой традиции. Это всегда давало им некоторый минимум закрытости по отношению к «чужому».

Еще Томас Манн, которого никто не заподозрит в том, что он был плохим европейцем, говорил: как это мои дети могут так легко сдружиться с французскими молодými людьми — я в молодости так легко подружиться с французом не мог, я слыш-

ком сильно чувствовал, что он совсем другой. Однако именно объективно данная принадлежность к жизненной традиции давала человеку определенное спокойствие в этом вопросе, вводила в границы его раздражительности по отношению к чужакам: у меня и так есть свои, для своих я свой, и мне нет причин лезть в бутылку из-за того, что те — чужие. Чужие — они и есть чужие.

Почвенники девятнадцатого века и у нас, и по всей Европе повторяли один за другим фразу Жозефа де Местра, сказавшего, что он знает из личного опыта национальные типы, но «человек вообще» ему неизвестен. Владимир Соловьев мог возражать де Местру, указывая на образ Иисуса Христа как Всечеловека. Что правда, то правда: слова де Местра не на уровне христианских идеалов, а равно и философских идей. Они — на уровне некоторой реальности, которую мы можем назвать обывательской. Но эта обывательская реальность когда-то казалась вековечной; она могла вызывать гнев своей косностью, однако в ней была истина факта.

В XX веке все это кончилось. Когда немцы перестали в достаточной степени естественно чувствовать себя немцами, они решили, что они раса. Вот классический нацистский лозунг относительно балтийских немцев: вы потеряли *Heimat* (конкретную родину), но обрели *Waterland* (абстрактное идеологическое отечество).

Что касается нас, не надо забывать,

что один из важнейших рецептов сталинского террора реализовался в предельной атомизации каждого человека. Мы все знаем, как москвичи и ленинградцы, спасая свою жизнь, забирались куда подальше в провинцию. Но ведь и там происходило то же самое, из провинции бежали не одни раскулачиваемые — все бежали в Москву и Ленинград; не просто потому, что в столицах легче жить, но потому, что оставаться на том месте, где про тебя могут сказать ужасную фразу: «Это уважаемый человек, я еще его отца знал, и тот был честный человек», — слишком часто было смертельно. Смертельно быть человеком, которого абсолютно безотносительно к идеологическим прописям уважают в его естественной среде пребывания. Таких не должно было оставаться.

Глубинные последствия происшедшего начинают сказываться только теперь. Одна из таких вещей, болезненная, печальная истина, в которой мы, однако, должны сознаться, — это то, что в раннем большевике, который ломал церкви, на уровне бессознательных жизненных навыков оставалось порой больше от тысячелетия русского христианства, чем в теперешнем неопите, который приходит в церковь и молится там, но все его жизненные навыки сформированы тем безбожием, которое насаждали его отец или дед. И этому надо посмотреть в глаза.

Прежде чем рассматривать идеологически мотивированную злобу — этническую, политическую, конфессиональную или псевдоконфессиональную и т. д., — надо, вероятно, обратить внимание на феномен безмотивной злобы. Мы живем в городе, где в духе своем убивают ближнего, даже не доходя до специальной, персональной злобы против него, не замечая его как личность, хотя бы негативно. Попробуйте придержать дверь для

идущего за вами в метро. Так ясно, что всякий входящий в метро должен придерживать дверь для следующего. Иначе невозможно. Но люди идут, не замечая, что вы держите для них дверь, не догадываясь придержать дверь для следующего, а это значит, что они в духе своем объявили ближнего — самого физически близкого, который идет за ними, — несуществующим. Каждый человек — один в толпе, в давке. Он отгел бытие всех находящихся вокруг него. На уровне духовном убийства начинаются с этого.

Мне мой грузинский друг говорил: «Почему мне в Москве бывает тяжело? Что, ты думаешь, из-за грубости? Нет. Грубости у нас тоже хватает. В моем Тбилиси меня могут избить; но бьющий будет воображать, что у него есть причины меня ненавидеть. А здесь у меня такое чувство, что меня могут даже и убить, так и не заметив, что это я.»

Я думаю, что на уровне идеологическом это хорошо соединяется с тем, что филолог Карл Кереньи описывал как роль абстракции в практике массовых убийств: одно дело сказать: убить каждого еврея, другое дело — ликвидировать еврейство. Еврейство — это абстрактная категория, она — ликвидируется. Одно дело сказать: убить всех людей в городе — взрослых, детей, мужчин, женщин, стариков, даже находящихся в городе домашних животных (о домашних животных города сам Господь Бог говорил в Книге пророка Ионы). Другое дело сказать: стереть город с лица земли. Вы берете бритву и соскабливаете кружок на карте. Вы ликвидируете некую абстракцию. С абстракциями разделяться легче. Это напоминает эпизод из книги Оруэлл об испанской войне: невозможно стрелять в человека, у которого слезают штаны. Эта деталь сразу конкретизирует абстракцию. «Фашист» — это

абстракция, но человека, у которого слезают штаны, уже нельзя вернуть в статус абстракции.

Вспомним слова Карла Ясперса: двери национал-социализму открыл дух ненаучности. Когда я, задумываясь о ментальности вот этого атомизированного слоя, который компенсирует утрату корней иллюзорной, как фантомная боль, гиперболой почвы, мне представляется важным иметь в виду то небрежение логикой, которое для этого вида ментальности прямо-таки неизбежно. Только не надо говорить ни о невежестве, ни о глупости. Попирание логики не всегда связано с невежеством. Национал-социализм разразился в стране, которая стояла едва ли не впереди европейской цивилизации и по уровню развития научной мысли, и по уровню школы.

Есть одно устыжающе простое обстоятельство. Если вы рассуждаете, вас всегда можно опровергнуть. В любой цепи логических рассуждений можно найти слабое звено. И только если вы строите ваши высказывания на суверенном презрении к логике, если каждый следующий ход откровенно не вытекает из предыдущего, если все представляет собой комбинацию истины и лжи в любых пропорциях, с таким текстом невозможно спорить. По правилам интеллектуальной этики самое несовершенное логическое высказывание честнее, и, следовательно, выше глумления над логикой. Это не значит, что как раз глумление не может быть блистательным. Зажал рот своим оппонентам, они ничего не могут возразить, — значит, он прав, он покончил спор, швырнул пыль в глаза всем, и все смешны, а он не смешон. Для инфантильного сознания тот, кто смешон, всегда неправ, а тот, кто не смешон, а всех остальных сделал смешными, всегда прав, это победитель.

В этом сила всех умонастроений,

ориентирующихся на ненависть; вовсе не по невежеству, не по отсутствию интеллектуального развития... Мне вспоминается одно выступление на научной конференции. Если угодно, это была победа. На него все сердились, только иностранцы, которые не совсем доверяли своему русскому языку, были в растерянности — может, не так поняли? А кто понял, был в бешенстве, но возражать никто не стал. На виртуозно-алогичный текст возражать невозможно. Это же победа! Представим себе человека с душой мальчишки на этой конференции. Он будет в восторге. На его глазах всем брошен вызов — никто на этот вызов не ответил.

Я не принадлежу к людям, которых склоняет на сторону толерантности тот довод, что черное, мол, не такое уж черное, белое — не такое уж белое. На самом деле контраст белого с черным очень велик. (Он, правда, не совпадает с границами идеологическими.) Что касается разных мировоззренческих традиций, включая религиозные, я не верю ни в возможность, ни в желательность приведения всех традиций к простому сливанию. Читая одну книгу об иудаизме, написанную иудаистом, я был в конце поражен таким рассуждением: все христиане и иудаисты — либо ортодоксы, либо либералы. Ортодоксы обеих религий считают, что различие между христианством и иудаизмом слишком серьезно и по этой причине относятся друг к другу очень враждебно. Либералы считают, что различия не так уж существенны, и по этой причине относятся друг к другу дружелюбно. Я стал думать, какой же я христианин при такой раскладке. Не ортодоксальный, раз я уверен в своей обязанности относиться к иудаистам (и к последователям других учений, которые не разделяю) дружелюбно. (Христос недаром для притчи о милосердии выбрал образ иноверца, да ка-

кого — самаритянина! Это как если бы какой-нибудь батюшка в 60-е годы XIX века говорил проповедь о милосердном поляке, а скэндз — о милосердном русском.) Но я по той же раскладке — и не либерал, ибо нашел бы некоторой обидой как для христианства, так и для иудаизма счесть различия несущественными. Несомненно, они очень важны.

Речь идет не о пресечении конфликтов между ними, а об изменении стиля конфликтов. Вероятно, замыслу Провидения о нас противоречит, чтобы духовная жизнь стала уж совсем нетрагической. Трагизм выбора делает человеческую духовную жизнь, человеческий выбор серьезным. Вот в нашем веке любящие родители навсегда прощаются со своей любящей дочерью Эдит Штейн, потому что она будет католической монахиней, а они остаются строгими иудаистами. (Э. Штейн — та самая ученица Гуссерля, которая составила себе имя в философии и погибла от рук нацистов.) Это прощание — жестокий сюжет, но его жестокость — иного качества, чем жестокость тривиальных конфликтов. Каждая сторона берет страдание прежде всего на себя.

Несогласие людей — это очень серьезная вещь, но несогласие и враждебность весьма различны. Трагизм должен быть трагизмом любви. Толерантность индифферентная и толерантность веры — самые непохожие на свете вещи. Где индифферентизм, там угасает трагедия, огонь, который делает человека человеком. Но там, где ненависть, трагедия тоже прекращается, подменяясь жестокой мелодрамой. Там тоже все просто. Люди выбирают ненависть не в последнюю очередь потому, что она избавляет от трагедии.

Я думаю, что одна из причин этой новой волны нетолерантности — утрата чувства истории. Идея, что мировая история есть выражение

Божьей воли, суд над миром, Weltgericht, как говорил Шиллер, может пониматься по-разному. Гегельянские и аналогичные им попытки это истолковать, я думаю, представляют духовное зло, и от них мы должны решительно отказаться. И как раз историософия — это, наверное, самая большая противоположность истории и историческому чувству. В наше время нет другой такой разрушительной для чувства истории силы, как историософия. Но вот что мне вспоминается.

Еврейский философ Мартин Бубер, иудаист, достаточно непримиримо споривший с христианством, был, однако, открытым человеком. Однажды один из его корреспондентов ему сердито написал: вот я, еврей, был у своего еврейского учителя Бубера. Как я о нем думал! Как я к нему шел! И вот я пришел к нему и что я увидел в его кабинете? Крест! — Поймите правильно: у Бубера не было на стене распятия; будучи иудаистом, он не мог относиться к кресту как к предмету почитания, а будучи серьезным человеком — как к безделушке. Просто на стене висела гравюра, изображавшая вид римского гетто: и там, рядом с гетто, возвышалась церковь, увенчанная крестом. Надо сказать, что эта церковь в течение веков действовала на нервы евреям: она была нарочно выстроена у самого входа в гетто как вызов, как вербовка прозелитов, «выкрестов». И что ответил Бубер? — Да, я повесил на стене эту гравюру, потому что в конкретной реальности истории и гетто, и церковь были рядом, и гравюра напоминает о том, как на самом деле устроил Бог. Можно выдумывать какую угодно историю, но настоящая — одна, и в ней все вместе, рядом друг с другом.

В студенческие годы, в разгар первой волны увлечения Индией, я ответил своему собеседнику: «Вы

понимаете, что не так интересно любить индусов, потому что мы, русские, никогда ничем индусов не обидели. И они никогда ничем нас не обидели. Я лучше употреблю свою маленькую жизнь на попытку любить те народы, с историей которых реально переплелась история моего народа, так что нам есть что прощать друг другу».

Недаром в Евангелии велено любить ненавидящих. Это не просто значит, что нужно избегать ненависти, что было бы скорее буддистской темой. На самом деле человек, который нас ненавидит, — это очень близкий человек, с которым мы неразрывны, в одном сюжете. Единственное, что можно сделать, — это любить. На самом деле единственный выход. Не просто для того, чтобы предотвратить кровопролитие, не просто для практической, в этом случае — утилитарной, хотя и доброй цели, — смягчить острый угол.

Ненависть на самом деле очень тесно связывает. У Честертона даже сказано, что она унифицирует, между тем как любовь — дифференцирует. Справедливость такого суждения особенно ощущается сейчас, когда все виды этнической и конфессиональной нетолерантности имеют скорее фантомную психологию, чем реальную. Действительно, люди, которые любят друг друга, становятся каждый самим собой: это многоголосие, где музыкальные партии разделены. Это не унисон. А люди, которые ненавидят друг друга, начинают, как в зеркале, копировать действия врага и его телодвижения.

Под конец могу сказать про себя, что я-то очень живо ощущаю свою идентичность как русского человека. Если бы у меня не было друзей среди евреев, латышей, грузин, немцев, англичан, кого еще? — я никогда бы настоящему не узнал, до чего я русский. Различие национальных типов

делает возможным взаимопонимание, которое всегда включает в себя элемент любящей усмешки, даже доброй насмешки — и над собой, и над другим. Бесконечны, совершенно неисчерпаемы возможности юмора, связанные с тем, что человеческие породы такие разные... Давно подмечено, как мужчина и женщина, которые действительно любят друг друга, которым хорошо вместе, непрерывно извлекают возможности юмора из того, что он мужчина, а она женщина. Эти возможности даны и этническим различиям людей. А вот психология и идеология злобы — это чудовищная мертвая серьезность, та точка, где уже невозможно смеяться иначе, как саркастическим, злым смехом, который на самом деле судорога, а не смех.

Простая истина, банальный трюизм, который все-таки нелишне повторять: всякий человек, который в духе своем убивает другого человека, убивает себя. Ему дана власть, собственно, над собой. И национальный экстремист имеет власть причинить настоящее зло только своему народу. Конечным исходом гитлеризма была ликвидация единого немецкого государства, не говоря уже о ликвидации немецкой культуры в ее традиционных формах. Ненависть всегда в конечном счете обращается на свое. Кажется, одно из самых сильных доказательств того, что история управляется все-таки духовными законами, — непреложность, с которой это происходит. Поэтому мои собственные мотивы, когда я не могу принять русского варианта «новой нетерпимости», — национально русские, до эгоизма. По отношению к другим народам я имею естественные чувства: вины, стыда, сочувствия. Но страшно за Россию. Каждая единица энергии злобы, произведенная в ее недрах, повредит в конечном счете только ей. Только нам.

А в моей собственной жизни очень сильным мотивом, удерживавшим меня всю жизнь от чувства ненависти к кому бы то ни было, служит вполне эгоистическое сознание, что если я когда-нибудь позволю себе это чувст-

во, то я уже не смогу думать и писать в свою меру. Если рука пианиста, лежит на клавишах, как ей положено, ей не сжаться в кулак, — два положения несовместимы.

Каинова печать революций

Людмила САРАСКИНА

Я нисколько не сомневаюсь в том, что углубленные размышления о природе насилия, безмотивной злобы и разрушительных инстинктов толпы, вообще говоря, чрезвычайно интересны.

Я полностью разделяю также стремление моих собеседников глубже понять психологию ненависти и идеологию ярости в, так сказать, экзистенциальном ключе.

Несомненно: роковая антиномия христианской культуры «Не убий» и «Не мир, но меч» дает неиссякаемый импульс для глобальных подходов к теме насилия.

Но мне хотелось бы сосредоточиться (может быть, и во вред принципам планетарного мышления) на одном лишь феномене насилия, а именно — революционном, имея в виду его мировоззренческие последствия для менталитета наследников «победившей революции».

Мои соображения навеяны как книжными, так и житейскими впечатлениями, — о непобедимом призраке гильотин, о гибельных путях российского бунта, о старых и новых Робеспьерах — и лишь очень концептивно, почти пунктирно, могут

выразить отношение к предмету разговора.

* * *

Прошлым летом довелось мне выступать в одном академическом зале, среди столпов советской исторической науки. Речь шла о принципах, основах основ. Следует ли критиковать прошлое? Есть ли смысл оценивать историю и выставлять «балл за поведение» ее деятелям? Каким богам и героям минувшего мы и по сей день готовы приносить клятвы верности и вечной памяти?

Солидная ученая аудитория то и дело взрывалась, обуруемая страстями скорее гражданскими, чем научными. «Позор!» — кричали мне из зала, когда я позволила себе вслух поразмышлять на щекотливую тему, — почему у нас национальные герои, прославляемые даже и в книжках для дошкольников, — это, зачастую, те, кто больше других пролил крови? Идешь с десятилетним сыном по улицам Москвы или Ленинграда — одна названа в честь террориста-цареубийцы, другая напоминает о пудах динамита, подложенных под

Зимний Дворец, третья — об исполнителе-«эксе», забросавшем бомбами площадь большого города и «взявшем банк»... И то, что на языке общечеловеческом называется «грабеж, бандитизм и терроризм», то на языке официальной отечественной историографии высокопарно именуется «борьба за свободу и счастье, за лучшее будущее человечества».

«Воинствующее дилетантство!» — летело ко мне из зала, когда применительно к понятию «профессиональный революционер» я заговорила о самообмане совести, о нарушении нравственного закона. «Полное отсутствие чувства историзма» — таков был окончательный диагноз собеседников-профессионалов. «С нравственных позиций историю не судят и не разбирают», — подвел итог дискуссии уважаемый академик-методолог.

Господствующая идеология и реальность общественного сознания канонизировали революцию, возвели в сан святых ее основоположников-теоретиков и исполнителей-практиков. Все, что связано с революцией, вело к ней или проистекало из нее, все, от чего веет революционным духом, — все это считается незыблемым и нерушимым, безусловным и самоценным. Вся история, предшествовавшая революции, привычно подается как пролог к ней; сама же революция — как цель и смысл истории. Именем революции покрываются самые невероятные преступления против человечности, в жертву революции торжественно отдаются целые народы и культурные материи. В крови народа, в интеллекте едва ли не каждого среднеобразованного соотечественника в большой концентрации содержится вечный соблазн революции, ее гибельная, пагубная романтика.

«Апрельская революция» — так легкомысленно нарекли сегодняшние

методологи перестройки начавшуюся в апреле 1985 эпоху реформ.

«Перестройка — это та же революция», — звенит в ушах лозунг восторженной публицистики.

«Революция продолжается», — упоенно твердят партийные краснобаи по радио- и телеканалам.

Революция, о необходимости которой вот уже несколько лет неустанно поют ее неутомимые трубадуры, похоже, и впрямь на повестке дня. Героический пафос прошлого революционного опыта, тот самый краугольный камень современной истории, именуемый импульсом Октября, вновь будоражит массовое сознание. Революционный микроб провоцирует очаговые вспышки народного протеста; народ, вышедший на улицы и площади, снова готов «идти до конца».

И невдомек, по-видимому, идеологам перестройки, что так бережно хранимый ими импульс октябрьского переворота, так свято почитаемый пафос революционного насилия оживает сегодня как раз им во вред. Ибо импульс Октября, как и истинно большевистская нетерпимость, передаются и тем, кто истерически призывает сжечь на костре портреты членов Политбюро и государственный флаг, и тем, кто упрямо, агрессивно и тупо рыщет вокруг в поисках врагов-жидомасонов, и тем, кто любой ценой хочет удержать власть.

Приоритеты революции играют с нашей многострадальной страной дурную шутку. Семьдесят с лишним лет назад наше отечество стало политическим полигоном, экспериментальной площадкой для фанатиков и маньяков революционной идеи. Сегодня оно, отечество, равно как и те, кто теперь пытается спасти его, вынуждено славить свою гибель. Сегодня вновь на повестке дня вопросы о том, почему идея свободы роковым образом поселяет рядом с собой

идею террора, почему завоевание свободы сопряжено с созданием особо жестокого механизма ее подавления, почему сам воздух свободы, как только ею повеяло, заражается ненавистью, злобой, страхом. Все мы — заложники революции, все мы в плену у злого, разрушительного революционного духа.

Кровавой бойней, всеобщим хаосом, гибелью цивилизации — вот чем может обернуться импульс непрекращающейся революции, продлись он дольше.

Поумнеет ли, повзрослеет ли, протрезвеет ли когда-нибудь наше общество в своей приверженности идеалам революции? Сможет ли наконец осознать смертоносность обещаний, которые сулят революционное насилие и диктатура топора? Сможет ли научиться чему-либо после стольких трагических опытов и научить других — тех, для кого соблазн революции еще вновь?

Я не знаю ответа на эти вопросы. Я знаю только одно: весело, вольготно живется в отечественной истории тем, кто звал и призвал-таки Русь к топору: уютно и идеологически комфортно плавают в реках печатного слова бойцы «революционной заправки». Приведу один лишь, но весьма красноречивый пример.

В начале декабря 1989 года в центральной советской печати появились краткие сообщения ТАСС о встрече двух генсеков — Михаила Горбачева и Николае Чаушеску. Как свидетельствует скупой официальный отчет, «беседа прошла в товарищеской обстановке, в духе откровенного обмена мнениями».

Истинную цену вышеупомянутому и вынужденному «товариществу» мир узнал три недели спустя, когда румынского генсека уже не было в живых, а наш, отечественный, совершенно искренне поздравил народ, совершивший революцию и свергнувший

кровавого тирана.

И хотя читать сегодня поздравления М. Горбачева по случаю переизбрания Чаушеску первым коммунистом Румынии и неловко, и смешно, — это все-таки обычный и общепринятый дипломатический ритуал. И потом, кто знает, на каких внутренних, домашних Чаушеску должен был оглядываться М. Горбачев?

Другое дело — наше общественное сознание, перестроечная печать и сама гласность, в какой уже раз оказавшиеся в тисках официальных политических церемоний. Коммунистическая вывеска, под которой процветают тоталитарные режимы, по-прежнему парализует лобознательность политических обозревателей и журналистов-международников.

Разве что ностальгический журнал «Молодая гвардия» нет-нет да и всплакнет счастливо, что вот-де в Албании недавно снова переиздали старинное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», что иностранных журналистов в страну не пускают, джинсы, косметику, длинные волосы и рок-концерты запрещают, что жить, работать и бороться «как в окружении» — это и значит беречь страну от тлетворного влияния буржуазной идеологии и ревизионизма. «Сегодняшний день Албании, — резюмирует двенадцатый номер за прошлый год, — наглядно демонстрирует силу практического, а не рекламного единения коммунистической партии и народа».

Ну что ж, совсем недавно зал, сплошь забитый коммунистами и ленинцами, захлебывался, тоже заходился в экстатическом крике: «Чаушеску и народ», «Чаушеску и народ».

И вот Чаушеску руками и стволами натренированных на человечину румынских кагэбэшников ресстреливает свой народ. А народ, во имя победы прекраснейшей из революций, совер-

шает первое свое отчаянное беззаконие.

Сидя в Москве, или глядя из Лондона, трудно, совестно укорять румын, решившихся столь стремительно убрать, физически уничтожить тирана.

И все-таки с неким чувством пришибленности читаешь фантазмагорический отчет наших газет о смертной казни. С ощущением страшной неловкости вникаешь в ту почти бессвязную перебранку, названную судебным процессом. И не можешь до конца отрешиться от сомнений по поводу той загадочной поспешности, с которой приговор, вынесенный анонимным единогласием в присутствии анонимных обвинителя и защитника, был тут же на месте приведен в исполнение. Картина суда, где известны лишь имена подсудимых, не идет с ума.

Что и говорить — не справляется пока с этой трагичнейшей сценой времен румынской революции наша революционная гласность. Да и впрямь страшно.

Страшно, потому что каждое убийство революция стремится объяснить вынужденной необходимостью и отвечает террором на террор. Страшно, потому что революция слепнет и перестает видеть в тиране и вампирше старика со старухой.

Страшно, потому что революция усваивает прежде всего логику арифметики: вот уберем столько-то врагов и настанет светлое завтра.

Страшно, потому что хорошо известно: в революции есть что-то дьявольски хитрое, бесовски лукавое. «Ужас революции не в том, — говорили русские литераторы вскоре после Октября, — что она имморальна, обрызгана кровью, напоена жестокостью, а в том, что она дает золото дьявольских кладов, которое обращается в битые черепки после

совершения ради этого золота всех жестокостей».

Дай Бог, чтобы румынская стихия, настоенная на крови народа и крови тирана, не оказалась у разбитого корыта. Чтобы урок скоротечного приговора был осознан не как норма, а как ее несчастное нарушение, как единственное и последнее исключение из гуманного принципа неоправдания смертной казни.

И чтобы люди, поющие и говорящие, нашли в себе душевные силы сказать все на эту тему вслух и без опоздания. Хотя честно говоря, больше всего меня поразило как раз другое — стремление гуманитариев-перестроечников найти доводы в пользу казни и выразить ей сочувствие. Но вот — загадочное самоубийство председателя революционного трибунала, аноним которого раскрылся только в день смерти, но вот национальная нетерпимость и столкновения с венграми — неужели вновь срабатывает закон о битых черепках?

* * *

И еще несколько слов о микробе революционности, заразившем самую смелую прессу. Пять лет благодетельной и благословенной Гласности показали, помимо всего прочего, что многоцветная ныне самиздатная печать вышла все-таки не столько из «Шинели» Гоголя, сколько из статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература». Это произведение — гвоздь программы школьного обучения, похоже, и впрямь меняет состав крови и формулу интеллекта у каждого, кто берется впоследствии за перо.

Поэтому как бы ни различались, к примеру, издания леворадикальные и национал-патриотические, они прежде всего **партийны**: то есть тенденциозны, самодовольны, неистовы и

нетерпимы; и едва ли не все яростно дерущиеся принадлежат все к той же неумирающей секте большевиков-ленинцев.

Передо мной несколько номеров «Свободного слова», органа партии «Демократический союз», купленных наугад на Пушкинской площади. О газете, как и о партии, говорят: «Ультралевые, левее некуда». Зная, что каждое левое издание презирует критику справа, я позволю себе несколько замечаний скорее снизу, чем сбоку, то есть с позиции рядового, но не ослепленного политической демагогией человека.

Казалось бы — парадокс. Сегодняшние советские левые ниспровергают те самые ценности и идеалы, борясь за которые когда-то не шадил никого и ничего тогдашний ультралевак и большевик Ульянов-Ленин. Но знаки поменялись местами, внося терминологическую путаницу, а воинствующий ленинизм по-прежнему процветает в умах людей, зараженных микробом партийности.

«Свободное слово» смачно поносит всех, кто не этой масти и не этой партии. Особенно достается либералам и центристам, которых лидер ДС Валерия Новодворская без колебаний зачисляет по ведомству красноречивых заведений. Презирует либералов — вполне в отечественной традиции: не было у Владимира Ильича хуже ругательства, разве еще «интеллигент». Не спорить с оппонентом, а навесить на него оскорбительный ярлык, ни за что не признать в нем даже возможность порядочности, добрых намерений и честных побуждений, но во всем видеть злой умысел — одна из характерных черт ленинского полемического стиля. Так что ярлык «политическая проститутка», с помощью которого «Свободное слово» управляется с инакодумающими, в порядке вещей. Странно, однако, что, осудив государственную привычку

отправлять несогласных в психбольницу, новые борцы за демократию готовы их сослать в публичный дом.

Вообще, по количеству глаголов типа, уничтожить, разоблачить, убрать, отнять, прекратить, распустить, судить и тому подобных газета не знает себе равных. Мне, филологу, как-то трудно поверить в ненасильственность политических намерений при столь агрессивной лексике.

Ну как можно отнестись к такому, например, тезису «Свободного слова»: «Нет смысла оспаривать у органов партократии необходимость уничтожения самого организма. Надо уничтожать»? Ведь это почти пародия, особенно в контексте названия газеты.

Как, скажем, воспринимать предложение «определить праздник 7 ноября днем всенародного траура и скорби»? Лично я при этом вспоминаю, что в канун празднования пятидесятилетия вождя мирового пролетариата Иосифа Сталина осенью 1929 года праздник Покрова Богородицы по-быстрому заменили на три других — день революционной самокритики, день коллективизации и день урожая. По тем временам, может, прогрессивно и революционно, но вообще глупо, грубо и невежественно. Коварная вещь эти лозунговые метаморфозы!

«Нам очевидна, — декларирует газета, — необходимость ломки, расчистки и наконец новостройки».

Здесь концы с концами наконец сходятся. После этого остается только спеть хором про то, как «весь мир насилья мы разрушим», и про то, как «мы наш, мы новый мир построим».

Более всего меня пугает в этих строках слово **наш**. Чей? Кто архитектор? Можно ли будет жить в этой новостройке человеку беспартийному, не состоящему ни в КПСС, ни в ДС? Можно ли будет дышать в атмосфере партийной нетерпимости и агрессивности?

Нет, жрецы ленинизма могут спать спокойно. Как бы ДС ни разоблачал культ Ульянова-Ленина, сколько бы ни рвал его портреты, дело Ленина не умерло, дух его витает над воспаленными умами, внушая им, помимо их воли, выверенные идеи о партийной организации и партийной же печати, ничего общего со свободной, как известно, не имеющие.

«Родина или смерть!» — неистовст-

вует на собраниях национал-революционеров легендарная антигероиня перестройки Нина Андреева.

«Победим или погибнем!» — слышится по другую сторону баррикад. Первое — везде разное, второе, после или, — везде смерть. «И как один умрем в борьбе за ЭТО». «ЭТО». Страшное, химерическое, анекдотическое ЭТО, за которое умирают все как один. Каинова печать революций.

Побег из лагеря общей памяти

Алесь АДАМОВИЧ

Я подумал, отчего такое центробежное движение, разбегание республик и народов в нашей стране. А за этим стоят и ненависть, и взаимная нетерпимость. Фазиль Искандер когда-то сказал абхазскую поговорку: когда два быка пахут твердую землю, они начинают коситься друг на друга. За этим можно видеть и экономику, и всю нашу экономическую разруху. Вот мы пашем эту твердую землю и начинаем коситься друг на друга.

...У меня есть знакомая женщина, минчанка, которая сидела в Освенциме. У нее лагерная цифра на руке. И я спрашиваю: вы встречаетесь с подругами, с людьми, с которыми вы вместе были в лагере? — Встречаемся. — Часто? — Редко. — Охотно? — Нет, стараемся не встречаться.

Мне было непонятно, — отчего же так? Мы, например, бывшие партизаны, страшно любили встречаться.

Когда это стало возможно. Когда мы собирались вместе, мы себя видели такими замечательными ребятами там, в прошлом, так здорово все припоминалось. Почему же люди прошли лагеря смерти и заявляют, что для них люди-напоминания неприятны? Не потому ли, что это напоминание, в каком животном были они состоянии? Те лагеря запрограммированы были на то, чтобы раздавить человека, личность. Видеть людей, которые тебя таким наблюдали, глазами этих людей себя вспоминать, что же тут приятного?

Когда-то я поразился фразе Ницше: Бог умер, Бог должен умереть, потому что человек не может выдерживать такого свидетеля. Существо, которое насквозь тебя видит и знает, — нет, лучше избавить себя от этого. И я подумал, а не является ли подсознательным толчком нашему разбега-

нию из Союза история 70 лет? Такая кровавая, жестокая, недобрая. То есть, мы, люди, жили сначала мифами. Мифы революции, мифы строительства, энтузиазма, мифы Отечественной войны. А потом эти мифы расплозились как сносившаяся ткань, и обнажился сплошной Освенцим. То есть состояние, когда миллионы людей превратили в животных, в рабов, в трусов и предателей, раздавили, по стенке размазали. И вот народ, республика и нация как бы расхотели с общими соседями делить общую напасть, историю. Мы, по-моему, переживаем в подсознании такой момент: нации, республики, народы разбегаются, как из лагеря разбегаются. Из лагеря общей памяти, недоброй и безрадостной.

Да, наверное, сразу встает вопрос: кто виноват, что мы все всё это пережили. И вот тут — уже стремление валить на другого. Но в целом — как преодолеть или надо ли это преодолевать? Мне вчера подарили одну

книгу. Воениздат уже издает первый том — вот уж подарок нашей стране! Предисловие — главная мысль, что самая интеллигентная среда у нас военная. Самые святые люди на Руси были военными. И так далее и тому подобное — по Пикулью... И я думаю, что в этом проявляется стремление вернуть мифы, вернуть имперское сознание, желание снова вернуться к империи через возвращение мифов, то есть очень привычные пути и методы ухода от реальности. Но не об империи забота наша. О человеческом братстве. Как по-человечески друг к другу возвращаться? Я не знаю. Это, наверное, вопрос сложнейший. Наверное, разбредясь, мы все-таки не уходим из человечества, а уходим в сторону человечества. Убегая от сталинизма, мы уходим в сторону человечества. В сторону человека, ум и глаза которого не зашорены расовыми, классовыми и прочими проявлениями нетерпимости и ненависти.

ПИСЬМО КСТАТИ

Возмездие

..В Вашем ответе оппонентам есть важная нота — возможно, самая важная для Вас, — которая выводит спор за пределы политики и даже за пределы истории; Вы формулируете что-то вроде теологии раскаяния и прощения. Бывшие жертвы, ставшие

палачами, и палачи, оказавшиеся жертвами, — все заслуживают одинакового прощения. Не на них, а над ними надо поставить крест, вроде того огромного мраморного креста, который каудильо распорядился воздвигнуть над павшими в гражданской войне в Испании. Когда-то в Тарту я видел старый-престарый памятник солдатам Северной войны, шведам и русским, и думал, что в России такой памятник был бы невозможен. Это были другие страны и другие времена.

Если подходить к истории с чисто нравственной точки зрения, если Вы

Автору этого письма (адресованного Г. Померанцу) принадлежит сборник рассказов «Запах звезд», повесть «Я, воскресение и жизнь», роман «Антивремя», сборник эссе «Идущий по воде». Он провел несколько лет в сталинском лагере, стал врачом, нашел себя как писатель и наконец эмигрировал после того, как роман его был конфискован при обыске. Последние годы живет в Мюнхене и совместно с К. Любарским издает журнал «Страна и мир».

уверены, что можно провести границу между честной жестокостью и нечестной, то Вам все же придется признать, что нравственность, допускающая жестокость, — нравственность по меньшей мере ущербная. Такая нравственность очень быстро превращается в самую беззастенчивую ложь и бесчеловечность, что и происходило еще во времена Французской революции. И я, право же, не знаю, где проходит граница и начиная с какого момента идеалист-революционер, превратившийся в мясника, теряет способность к покаянию. Я вообще думаю, что покаяние — дар очень немногих. Большинство людей и уж, конечно, большинство негодяев органически неспособны каяться. Мы живем в эпоху крушения одной из самых привлекательных идей — идеи Революции, и я не знаю, что больше способствовало этому краху: несостоятельность общественного строя, который возник в результате революции, или несостоятельность революционной морали.

Я понимаю, о чем Вы говорите. Перед Вашими глазами — образы борцов за идею, самоотверженных и бескорыстных людей, и Вам претит эта манера сваливать всех в одну кучу: Дзержинского и Берию, Троцкого и какого-нибудь ничтожного и отворотного (я знал людей, которые его знали) Кагановича. Я еще застал здесь, в Германии, споры о так называемом феномене Баадера-Майнхофф. Целая литература возникла вокруг этого «феномена». Несколько лет тому назад шел фильм под названием «Stammheim», очень интересный и хорошо поставленный, игровой, но основанный на строго выверенном документальном материале: Штамгейм — это название тюрьмы, где находились под следствием члены группы. Главным пунктом расхождений, лучше сказать — баталий, которые происходили между обвиняемыми (с их адвокатами) и судьями, причиной страшной истерики обвиняемых, а может быть, и причиной последующего самоубийства Андреаса Баадера и Ульрике Майнхофф,

было то, что суд отказывался рассматривать террористов как политических преступников, а считал их бандами (кем они, разумеется, и были). Фильм не был лишен некоторой тенденциозности, режиссер стремился вызвать у публики сочувствие к Баадеру и его соратникам и, по видимому, достиг своей цели, хотя такой зритель, как я, мог только пожимать плечами, наблюдая «жестокий» тюремный режим: террористы содержались в благоустроенных комнатах с кушетками, с телевизором, письменным столом и печатной машинкой, могли ходить друг к другу в гости, звонить по телефону друзьям и т. п.

С тех пор настроение в обществе изменилось, и хотя идеология и программа различных боевых групп достаточно хорошо изучена (она представляет собой разительный пример вырождения революционно-гуманистической идеи), никто уже не питает ни малейших симпатий к идеализму этих борцов. Вы скажете, что есть разница между этими людьми и, допустим, русскими народовольцами, и уж тем более — разница между Баадером, «Красными бригадами», Rote-Armee-Fraktion и т. п. и большевиками; разумеется. Разумеется, разница огромная. Есть разница между странами, между обществами — тоже верно. Мы, однако, говорим о морали и уверенности в своей правоте (то есть о «честности»). Не кажется ли Вам, что в самой сердцевине революционной морали содержится некое отравленное зерно, — причем такое, без которого не может быть служения идее.

Я тоже сидел вместе со старыми большевиками. Это были люди как люди, немного смешные, сентиментальные, люди, которые были втрое старше меня. Я сохранил о них очень теплое воспоминание. Мой отец был человеком, в общем далеким от политики, беспартийным. Он был на две недели моложе этого века. В годы революции и в двадцатые годы, как и все, сильно бедствовал. Но я помню, что он говорил о тех временах: это было время небывалой весны. Теперь

мы дожили до дней, когда все надо сгребать и нести на помойку.

Старики, с которыми я коротал время в спецкорпусе, уже однажды сидели; в 37—38 годах. Тогда их выпустили. Теперь они писали длинные заявления, доказывали, что кто-то их оклеветал. Я далек от мысли винить их: став жертвой, они искупили свою вину, если это вообще была вина. Я думаю, что в наших рассуждениях мы не сможем обойтись без другой категории: возмездия. То, что с ними случилось, было возмездием. То, что произошло со всеми нами, есть не что иное как возмездие. Возмездие — это не наказание виновного. Скорее, это наказание без вины виноватого. Я помню, что еще лет десять-

пятнадцать назад я смотрел на все это и думал: рано или поздно наступит возмездие. И оно наступило, оно принимает подчас гротескно-комические формы.

Заметьте, что возмездие настигает самых чистых людей. Столетний юбилей Пастернака вызвал множество публикаций, снова вспомнили всю историю с «Доктором Живаго» и пр. Между тем это было возмездием. Возмездием за такие стихи, как «Ты рядом, даль социализма». Возмездием за исключительные усилия обмануть самого себя, «остаться с народом»...

**Борис Хазанов,
г. Мюнхен, ФРГ.**

ПОЧТА

Вспышка

Хочется обратить внимание на следующее обстоятельство. Как правило, причину агрессивности молодёжи Горького, Казани, Чебоксар, Сызрани ищут во внешних условиях. Несомненно, есть вина и аппарата, и милиции, и школы. Но почему наиболее яркая вспышка насилия зарегистрирована именно в этом районе?

В печати мелькали сообщения о катастрофе, произошедшей на Урале в шестидесятых годах, сходной с Чернобыльской. Если радиоактивное облако ушло тогда на запад, то оно как раз проходило над указанным районом, возможно, что здесь осадки были наиболее интенсивными. А были ещё и ядерные испытания в атмосфере.

Естественно, наиболее уязвимыми стали организмы и нервная система маленьких детей, новорождённых и только что зачатых. Не они ли сейчас составляют ядро наиболее агрессивных? Так вспышка радиации родила вспышку насилия.

Это наблюдение должно заинтересовать не только историков, но и всех нас. Не ожидает ли нас подобная социальная опасность через пятнадцать-двадцать лет в районе Чернобыля? И если я прав, необходимо уже сейчас думать о мерах, которые не могли бы смягчить будущую беду.

**В. СТЕПАНОВ,
г. Тамбов.**

МНОГОПАРТИЙНЫЙ ДРАКОН

Соблазны российского прогрессизма

Владимир ЛАПКИН,
Владимир ПАНТИН,
г. Москва

Казалось бы, наша политическая система не имеет почти ничего общего со старой. У нас есть съезд народных депутатов, у нас есть парламент, президент, разрешена многопартийность... И все же невольно закрадывается мысль: а ведь что-то подобное уже было в тот самый краткий период с 1906 по 1917—1918 гг. — и Государственные Думы, и партии, критикующие самодержавие, и черные сотни. И красные сотни. И национальные конфликты, и угроза распада Империи, и экономический кризис. Но именно попытка пересадки западных политических институтов на российскую почву привела к неожиданным последствиям. Печален оказался итог приобщения к праву, демократии, рынку: не стало ни того, ни другого, ни третьего.

И вот — новая попытка: «иного не дано». Но огромная страна никак не может сдвинуться с места — к цивилизации, демократии, рынку, — что-то значительное очень крепко держит всех нас. Тут-то и возникает соблазн

(уже перерастающий в неизбежность) подхлестнуть медленное развитие, покончить с неисправимыми консерваторами, ускориться любой ценой во имя всеобщего блага.

Правда, выясняется, что подавляющее большинство людей не готово к необходимой модернизации, к резкому изменению **всего** образа своей жизни. Но ведь так было и накануне решительных преобразований Петра I, а в результате возникла Российская империя. Да и накануне 1917 года крестьяне, интеллигенты, обыватели, как и многие рабочие, не были готовы к вступлению в «социалистический рай», казавшийся тогда единственным выходом из кризиса, который переживала воюющая Россия. И в том, и в другом случае для осчастливливания миллионов, не понимающих своего счастья, было применено «чудесное» средство — радикальное государственное насилие. Что же это за явление и возможно ли его возрождение в нашей сегодняшней действительности?

НАСИЛИЕ РАДИ ПРОГРЕССА

Последовательный радикальный прогрессизм находит себе наиболее благоприятную почву в ситуации, когда большинство общества лишено реальной политической, экономической и духовной свободы, как и самого понятия о ней. Система всеобщего закрепощения снизу доверху в сочетании с «новыми веяниями» и насущными экономическими нуждами — вот тепличные условия, вызывающие к жизни и активной общественной деятельности тип «последовательного прогрессиста» (или «прогрессора» в терминологии братьев Стругацких).

Стратегическая цель прогрессистов — прогресс любой ценой, тактическая цель — борьба за «массы», воплощающаяся в руководстве ими, включающем и принуждение, с целью расстановки общественных сил и отдельных членов общества по местам, уготованным им в структуре общего прогрессивного дела. Самая страшная опасность для «прогрессора» — это отсутствие единства, «язва» политической дифференциации. Власть можно разделить только если объект власти множественен. Если же он един и внутренне монотонен, то власть может осуществляться только при условии единства субъекта власти. Поэтому для радикального прогрессизма взятие и упрочение власти означает конец всяческому компромиссам (в соответствии с указанием классика: «Пока в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет»).

И вот наступает перелом, социальный катаклизм, устранивший от политического руководства обществом прежний достаточно скомпрометировавший себя аппарат власти. Это — праздник для всех лиц и организаций, ставших своей целью немедленное исправление исторической несправедливости. Но столкновение множества

воль происходит на фоне объекта политической борьбы — дифференциации и структурирования массы.

Это самая большая опасность для победившего в борьбе за власть движения прогрессистов. Раскол и дифференциация «массы» грозит повлечь за собой раскол и дифференциацию в сфере власти. Поэтому в нестабильную еще эпоху утверждения новой власти гений прогрессизма должен, не покладая рук, трудиться над предотвращением раскола в «массе», повязывая ее круговой порукой, уравнивая все, что только можно.

Все гении прогрессизма в этот период ищут решения, ведущие к нивелировке масс. Оттого столь резко звучат лозунги единства и жертвенности во имя светлого будущего. Несогласные, претендующие на свое особое, защищающие свободу личности, ее право на полемику с властью, должны быть устранены. А дальше все просто — партия прогресса быстро превращается в «партию чудес», опирающихся на насилие. Эта логика выражена в знаменитом «кредо» Г. Пятакова, переданном Н. Валентиновым:

«Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами — тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Это есть черта, глубочайше отличающая нашу партию от всех прочих, делающая ее партией «чудес»... Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и, если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами... Легко ли на-

сильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считаю ложным? Разумеется, нет. Тем не менее, насильем над самим собою нужный результат достигается... И еще раз скажу, если партия для ее побед, для осуществления ее целей — потребует белое считать черным — я это приму и сделаю это моим убеждением».

СПРОС НА ЧУДЕСА

Актуально ли это для нас, или же радикальный прогрессизм — только история, которая не может больше повториться? В прежних формах — по-видимому, нет. А вот в новых...

Страна сейчас на переломе, система в кризисе, но рынка нет и в ближайшее время не может быть, а создание основных материальных и духовных предпосылок для него потребует огромных усилий и мук; кризис прежнего монопольно-общинного сознания налицо, но индивидуализированное сознание не развито, уважение общества к правам и свободам личности отсутствует; изданы многие законы, но реальная практика их игнорирует.

Наиболее отчетливо острота ситуации проявляется в кризисе доминировавших прежде имперских отношений. Именно наличие огромного государства-империи отличает нашу страну от стран Восточной Европы, делая проблему политических, экономических и иных реформ неизмеримо более сложной, чем в Венгрии, Чехословакии, Польше. Сейчас происходит сшибка укоренившегося имперского сознания, имперской политики и имперской экономики с реалиями современного мира — столкновение очень болезненное, затрагивающее все народы Советского Союза. Для русского народа, волею истории при-

нявшего на свои плечи всю тяжесть и все муки народа — строителя империи — столкновение это порождает противоречия поистине трагические.

Направляя вплоть до самого последнего времени все свои усилия на достижение имперских целей, на поддержание разлагающегося имперского порядка, российская нация ныне с горечью обнаруживает свою вопиющую нищету и духовную обездоленность даже в сравнении с «покровительствуемыми» ею народами. Имперская структура поглощает последние силы нации и с каждым новым усилием оборачивается для нее все более непоправимым ущербом.

Все это решается сейчас, все это висит на волоске. В ситуации, когда привычное исчезает, так что опереться как будто бы не на что, очень хочется спасительной власти, которая установит твердый прогрессивный порядок, не боясь насилия. Раскол, дифференциация опасны, для их обуздания нужен всеобщий авторитетный интегратор. Он будет насаждать новые «прогрессивные предпринимательские слои», новых «честных чиновников», новых «православных крестьян», накажет мафию, утвердит нравственность. Для всего этого, конечно, требуется и новая «партия чудес»... Раз есть настоятельный спрос, будет и предложение.

Кто же может претендовать на роль радикально-прогрессивной чудо-власти? Будут ли это министерства, отряхнувшие прах перестройки с ног своих после очередного прожекта «введения рынка» в условиях полной монополии? Или это будет какая-либо иная сила, которой удастся сделать президентскую власть заложницей собственных интересов? В пестрой картине современных политических течений и организаций действительно демократические движения от радикально-прогрессивных можно отличить по тому, основана

ли их деятельность на реализме, или же на создании очередных мифов о народе и социализме; по тому, характерны ли для них уважение к личности, поиск нестандартных решений, учитывающих различные интересы, или же растворение личности в «массе», борьба с инакомыслием за единственно верную «генеральную линию». Интересы «насилия во имя прогресса» радикально расходятся с интересами человека, его свободного развития и благосостояния. Не стоит

забывать мудрые слова древней восточной сказки: самое трудное не в том, чтобы убить Дракона, но — самому не стать им.

Старый Дракон смертельно болен и гаснущим взглядом выискивает преемника из радетелей прогресса, которому и суждено возродить былую драконью доблесть и славу.

Но судьба драконьей династии решается на им, а нами, тем, сумеем ли и захотим ли построить свою жизнь без дракона.

ПОЧТА

Это не оппозиция

Я не разделяю широко распространенную точку зрения, будто у нас сейчас существует многопартийность. Понятие многопартийности, на мой взгляд, подразумевает не просто совокупность различных противоборствующих группировок, но и определенный уровень политической культуры, наличие необходимых механизмов, обеспечивающих мирное, цивилизованное политическое волеизъявление, — то, что М. Гефтер удачно назвал «структурами политического согласия». При отсутствии всей этой необходимой политической инфраструктуры её роль берёт на себя какая-то надпартийная авторитетная структура верховной исполнительной власти. Такая авторитарная структура уже возникла в виде президентства.

В стране сейчас сложилась парадоксальная ситуация, когда многочисленные движения считают себя оппозицией КПСС, «центру», однако все эти силы действуют на локальном уровне региона или республики и ни одна из них не готова взять на себя ответственность за судьбу страны в целом. У нас нет общенациональной консолидирующей силы типа «Солидарности» или венгерского Демократического форума. Авторитет прави-

тельства катастрофически падает, а организованной оппозиции, пользующейся общенациональным доверием, не существует. В стране уже теперь наблюдается очевидная асинхронность процессов в различных республиках, находящихся на разном уровне экономического и социокультурного развития, и ничто, кроме государства, сейчас не сдерживает эскалацию этого диссонанса. Было бы катастрофой отдать развитие всех этих процессов на самотёк.

В одном независимом журнале («День за днём», № 7 / 89) я прочитал статью, автор которой погромы в Фергане называет — ни много ни мало — «народным восстанием», направленным (разумеется) против «партократии».

Я думаю, сейчас в стране действует множество сил, считающих себя оппозиционными, которые не несут демократической конструктивной альтернативы, а некоторые из них обладают тоталитарными потенциями. Но следование принципу — «чем хуже для центра, тем лучше для нас» не приемлемо для порядочной оппозиции.

Андрей НОВИКОВ,
г. Рыбинск.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО... ТАНКИ!

Сергей ШТЕХЕР,
историк

Мы всегда многого ждали от своей памяти. Шла ли речь о победах ли, поражениях, к прошлому прибегали с целью убедительней оправдать или осудить настоящее. И всякий раз, когда опыт прошлой истории приводил нас к результатам иным, нежели думали, надеялись и желали, мы негодовали на то, что история нас обманула. Но правильно ли мы ее вопрошали?

Мы гордимся историческим движением, которого до нас не совершал ни один народ, но достигли лишь того, что ни один народ не станет нам подражать в будущем. Мысленно сопровождая современные народы на их историческом пути, мы поднаторели на высоких абстракциях, но это не помогло нам достигнуть уровня развития этих народов. И когда действительные герои нашей священной истории умерли, мы, достигнув уровня распада цивилизации, стали чахнуть, не побывав на уровне самой цивилизации.

Так на пороге наших хижин появился призрак революции. Мы не успели еще забыть о ней и, поскольку другой у нас не было, ее лозунги мы вновь вывешиваем на фасадах дворцов, ее героев реабилитируем и низвергаем — все это оживляет нашу томительную действительность, единственной движущей силой которой является, по-видимому, календарь.

На чем основана политическая революция? На том, что «верхи не могут управлять по-старому», на том,

что существующая форма правления объявляется анахронизмом, на том, что определенный класс освобождает себя от своего прежнего состояния и достигает всеобщего господства. Все общество должно стать подобием класса-освободителя. Всеобщие права общества не принадлежат более обществу — их присваивает освободитель.

Это тот момент, когда свобода, отделенная от общества в целом, от каждого человека в частности, становится костью, застревающей в горле; тот момент, когда нас тянет «из вольности в рабство», и только так мы получаем возможность прикоснуться к той сокровищнице, где хранятся от слишком жгучих прикосновений в своей девственной чистоте все те же наши права и притязания. Чтобы революция народа и политическая революция считались тождественными — для этого нормальная жизнь должна считаться преступлением в отношении народа.

Вглядимся в нашу историю: роль преступника поочередно исполняли различные общественные системы, реже отдельные личности. В противостояниях им выковался образ той силы, что являлась символом всеобщего единения, моральным образцом политического поведения и правового сознания, не приемлющих ничего иного. Несомненно — это армия.

Воображая себя свободными от случайностей исторического развития, мы требуем, чтобы и весь мир

верил в это. Спасая себя, мы вынуждены думать об освобождении всего мира. Для этого и наш патриотизм должен перейти границы и стать предметом восхищения для других народов. Так патриотизм становится интернационализмом, чужая земля — своей; мы переселяли народы в иные пределы, охотно селясь на их землях, поворачивали их реки на земли других, свергая их богов, дарили им свои грехи и почитали при этом свой порядок наиболее справедливым.

Это было бы для нас непосильной задачей, когда бы не армия — дело чести, предмет нашей особой гордости. Военный мундир был нашим парадным костюмом, война — поэзией, увеличенная в воображении воинская часть — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности. Унося, вопреки Дантону, отечество на подошвах своих сапог, в любых пределах мы были среди «своих», и в любых пределах нам приходилось защищать свою собственность, свой социальный порядок, свое отечество. Так армия стала главным распорядителем общественного сознания. Называя себя армией всего народа, она делает очевидным свое превосходство над всем народом. Называя себя армией мира и социализма, она указывает объем своих жизненных притязаний.

Совершенно так же, как в армии, возникает необходимость в командовании и командующих. Надзор сверху становится необходимым условием существования многих, труд по надзору становится необходимым условием производства. Так возникает институт надсмотрщиков над свободой, равенством и братством. За день до радикальной революции мы — рабы надсмотрщиков.

Мы соединяемся не с теми, кого угнетают, а с теми, кого угнетают, как нас. Каждый освободившийся ранее нас, делает нас угнетенными еще

больше. Как тень отца Гамлета, нам во время политических обмороков являются Свобода, Равенство, Братство. Во имя них и вслед за ними является армия...

Дело в том, что мы обнаружили свое неведение относительно тех страстей, на которые оказались способны. Наше желание преобразовать действительность инстинктивно искало те организационные формы, в которых желание каждого повторялось бы в едином порыве всех и становилось бы тем самым свободно от случайностей исторического развития. Совершенно неудивительно, что все это воплощалось в военном устройстве!

В самом деле, воин независим от сиюминутных воздействий различных факторов, он свободен от них, поскольку имеет контакт с абсолютной для него причиной — командующим, единственным, кто определяет для него собственную реальность. Безукоризненное выполнение приказов делает воина свободным. Милитаризация сознания делает очевидным, что освобождение от императивов гражданского общества и есть достижение всеобщей свободы.

Надсмотрщики ставят во главу угла принцип управляемости общества, а не его прогресс. От опасностей радикальной революции многих потянуло к солдатским котлам. Права человека объявляются мифом, их заменяет право дисциплины.

Так армия становится школой народа. При этом она действует не только радикально, но и последовательно.

Мы печемся о правах человека. Армия убеждает нас, что права реализуются только после исполнения обязанностей и, сокращая свои ряды, возвращает в лоно общества живых свидетелей этого. Мы хотим слова всех сословных перегородок, ликвидации всех привилегий — единствен-

но, что может сплотить людей. Единственно, на основе чего люди смогут соединиться по признаку человеческих ценностей. Армия, предоставляя льготы одним, уравнивает тех, кто их не имеет. Поэтому каждая сфера гражданского общества переживает свое поражение прежде, чем успевает отпраздновать победу. Мы оказываемся в обществе свободы в день ее похорон.

Спасут ли нас благие порывы, если они по-прежнему завершаются военными методами борьбы? Сведущи ли в своих страстях те, кто призывает к созданию альтернативной политической силы? При их последовательности и убежденности, она неизбежно станет военной альтернативой. Искренни ли мы сами в своих желаниях свободы? Не хотим ли мы в очередной раз предать суду военной коллегии тех командующих, кто утопил наши полки в болотах?

В чем же заключается в таком случае положительная возможность российской радикальной революции? В образовании такого класса гражданского общества, который находится в противоречии с военным устройством всего государства. На сегодняшний день на вопрос «что делать?» может быть дан только один ответ: ликвидировать производство, принявшее формы «солдатского духа», в котором заключена идея узурпации господства и санкция на это в общественном сознании. Сделано это может быть одним только путем — заменой постоянной армии на всеобщее вооружение народа. Последнее только и может быть сферой, где деление на «своих» и «чужих» не имеет оснований, сферой, в которой военный и гражданский «миры» не противостоят друг другу, и где институт надсмотрщиков не является необходимым условием существования общности людей.

Не об этом думают наши парламентарии. Не этот результат готовы поставить себе в заслугу. Престиж

их положения зависит, как им кажется, от удовлетворения насушных и ближайших потребностей своих избирателей. Они готовы, засучив рукава, восстанавливать разрушенные алтари и очаги. Благих их намерения. В главном же они собираются сражаться на поле, выбранном не ими, сведя весь вопрос к финансовым издержкам, единственному, что способно вызвать волнение крови у либералов. В остальном они уверяются бдительности, гражданской ответственности, мужеству и патриотизму — при том, что все они вместе со всем народом и руководящей ими политической силой вверены попечению армии.

Казарма и бивуак, тяжесть которых взваливалась на общество, чтобы подавить его сознание; штык и ружье, которым предоставлялось творить суд и управление, опекать и подвергать цензуре, исполнять роли полицейского и ночного сторожа, строителя нового и разрушителя старых, учителя и регулятора демократических процессов; погоня и мундир, провозглашаемые высшей моралью общества, а их обладатели — высшей государственной мудростью — вот наши учителя и спасители. Но как могут казарма и бивуак, сабля и ружье, погоня и мундир не прийти к выводу, что лучше спасти общество раз и навсегда, провозгласив свой собственный режим главенствующим, чем быть свидетелем родовых мук гражданского общества?! Армия была акушером революции и братской помощью ей, караул Учредительного собрания был повивальной бабкой диктатуры пролетариата, генералы были хирургами холодного лета 1953 года, маршал провозгласил победу развитого социализма...

...Не очевидно ли, что нам не достает лишь одного, — заменить допотопный девиз «Свобода, Равенство, Братство» недвусмысленными словами «Пехота, Артиллерия, Танки»?

г. Оренбург

БОРЬБА ЗА МИР В СВЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Приводимые ниже документы присланы в редакцию Александром Шатравкой. Они взяты из его судебного дела и стоили ему четырех лет тюрьмы в 1982-86 гг. Документы столь красноречивы, что едва ли нуждаются в наших комментариях.

А) ОБРАЩЕНИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ СССР И США

СССР и США обладают средствами убивать в масштабах, способных подвести итоговую черту под историю человеческого общества.

Равновесие страха не может надежно гарантировать безопасность в мире. Только доверие между народами может создать твёрдую уверенность в будущем.

Сегодня, когда элементарное доверие между двумя странами полностью утрачено, проблема доверия перестала быть просто вопросом двусторонних отношений. Это вопрос — будет ли человечество раздавлено собственными разрушительными возможностями или выживет.

Эта проблема требует сегодня немедленных действий. Однако совершенно очевидна неспособность поли-

тиков обеих сторон в ближайшее время договориться о каком-либо заметном ограничении вооружений и тем более о существенном разоружении.

Соблюдение политиками объективности в вопросах разоружения затруднено их политическими интересами и обязательствами.

Сознавая это, мы не хотим обвинять ту или иную сторону в нежелании содействовать мирному процессу и тем более в каких-либо агрессивных планах на будущее. Мы убеждены в их искреннем стремлении к миру и предотвращению ядерной угрозы. Однако поиск путей разоружения несколько затруднён.

Все мы разделяем равную ответственность перед будущим. Энергичное движение за мир обществественности многих стран доказывает, что миллионы людей это понимают.

Но наша общая воля к миру не должна быть слепой. Она должна быть осознана и выражена конкретно, с учетом всех требований, предъявляемых реальной действительностью.

Мир озабочен своим будущим. Все понимают, что для предотвращения угрозы нужен диалог.

Сложившиеся принципы ведения двустороннего диалога требуют немедленного изменения.

Этот документ был принят Группой за установление доверия между СССР и США. О создании Группы было объявлено и ее обращение прочитано на пресс-конференции 4. 6. 82 в квартире Сергея Баговрина в Москве.

Мы убеждены в том, что пришло время для мировой общественности не только ставить вопросы о разоружении перед теми, кто принимает решения, но и решать их вместе с политиками.

Мы выступаем за четырехсторонний диалог — за то, чтобы в диалог политиков равномерно включились советская и американская общественность.

Мы выступаем за последовательное и в конечном счете полное уничтожение запасов ядерного оружия и других средств массового истребления, за ограничение вооружений общего типа.

Мы видим ближайшую программу общего поиска в следующем:

1. В качестве первого шага к устранению ядерной угрозы мы призываем всех, кто не желает смерти ближнему, вносить частные конкретизированные предложения по двустороннему ограничению и сокращению вооружений и, в первую очередь, по установлению доверия. Мы призываем направлять каждое предложение правительствам обеих стран и представителям независимых общественных групп, борющихся за мир, одновременно.

Мы надеемся на внимание к нашему призыву особенно со стороны советского и американского народов, правительства которых несут ответственность за безопасность в мире.

2. Мы призываем общественность обеих стран создавать смешанные международные общественные группы, основанные на принципах независимости, в функции которых входили бы прием и анализ частных предложений по разоружению и установлению доверия между странами, отбор наиболее интересных и реалистических предложений, информирование о них населения и рекомендация их для рассмотрения правительством обеих стран, а также информирова-

ние населения о возможных последствиях применения ядерного оружия и по всем вопросам, касающимся разоружения.

3. Мы обращаемся к научной общественности, в частности к независимым международным организациям ученых, борющихся за мир, с призывом к работе над научными проблемами, непосредственно связанными с сохранением мира. Например, на данном этапе чрезвычайно важно разработать единый математический метод оценки вооружений противостоящих сторон. Мы призываем ученых создавать независимые исследовательские группы с целью научного анализа предложений, поступающих от общественности.

4. Мы обращаемся к политическим деятелям и представителям печати обеих стран с призывом воздержаться от взаимных обвинений в намерении использовать в агрессивных целях ядерное оружие. Мы убеждены в том, что такие обвинения лишь разжигают недоверие между сторонами и тем самым делают невозможным какой-либо конструктивный диалог.

5. Необходимые гарантии установления доверия мы видим в том, что СССР и США должны обеспечить условия для открытого обмена мнениями и для информирования общественности обеих стран по всем вопросам, касающимся процесса разоружения.

Мы призываем правительства СССР и США создать специальный международный бюллетень (с правительственными гарантиями распространения в обеих странах, в котором обе стороны вели бы диалог, вступали в дискуссии, открыто освещали среди других вопросов следующие:

а) анализ переговоров о разоружении и материалы переговоров;

б) обмен мнениями и предложениями о возможных путях ограничения вооружений и разоружении;

в) обмен предложениями по устанавлению доверия;

г) обмен информацией о возможных последствиях применения ядерного оружия.

Такой бюллетень должен предоставить возможность независимым общественным движениям за мир вступать в общую дискуссию, публикуя неподцензурные материалы, в частности, предложения по разоружению и доверию и информацию о мирных движениях и проводимых ими мероприятиях.

Мы обращаемся к правительствам и общественности СССР и США, т. к. убеждены в том, что каждый, кто понимает, что будущее нуждается в защите, должен иметь реальную возможность его защищать!

1. БАТОВРИН Сергей
 2. ФЛЕЙШГАККЕР Мария
 3. ФЛЕЙШГАККЕР Владимир
 4. СОБКОВ Игорь
 5. КРОЧИК Геннадий
 6. БЛОК Виктор
 7. ХРОНОПУЛО Юрий
 8. РОЗЕНОЕР Сергей
 9. ОСТРОВСКАЯ Людмила
 10. КАЛЮЖНЫЙ Юорис
- и ещё 74 подписи, в том числе — Александр Шатравка.

Б) ПРОТОКОЛ ОСМОТРА ДОКУМЕНТА

г. Тюмень от 12. 08. 82 г.

Ст. следователем Прокуратуры г. Тюмень З. А. Усенкиным с участием специалистов Куцева Геннадия Филипповича — ректора Тюменского государственного университета, профессора, доктора философских наук, Данилова Вольдемара Алексеевича — декана исторического факультета Тюменского государственного университета, доцента, кандидата исторических наук, проживающих в г. Тюмени.

В соответствии со ст. УК РСФСР проведен осмотр документа.

Осмотрев данный документ, Данилов охарактеризовал его и дал заключение, которое заключается в том, что этот документ носит антисоветский, антисоциалистический характер, объективно был направлен против политики КПСС и нашего правительства. Внешняя формулировка документа носит чисто пацифистский характер, но одновременно с этим следует обратить внимание на такие общие положения:

1. Фактически ставится знак равенства между позицией СССР и США и их целями.

2. Не выделяется разница между политическими разновидностями двух стран, результатом чего является появление антисоветских измышлений.

3. Ставится знак равенства между КПСС и политическими партиями США.

4. Делается попытка снизить значение современных форм движения сторонников мира.

5. Выражается идея какой-то всемирной силы, стоящей над правительствами, по сути дела — это отражены космополитические идеи.

6. Имеется стремление противопоставить некую общественность и правительство нашей страны.

7. В пункте 3 сформулирована вредная, неверная идея, стремящаяся обелить военно-промышленный комплекс США.

В целом документ носит антисоветский, антисоциалистический характер, объективно направлен на подрыв политики КПСС, нашего правительства. Он может создать неверное представление, особенно у слабо подготовленной политической части населения.

Подпись: Данилов.

РЕЦЕНЗИЯ НА «ОБРАЩЕНИЕ»

Этот документ является продолжением достаточно известного тезиса западной пропаганды о равной ответственности империалистических и социалистических стран за холодную войну, гонку вооружений, обострение международной обстановки. Указанный тезис неоднократно и аргументированно рассматривался в советской периодической печати и общественно-политической литературе. На основе документированных источников доказано, что практически по всем видам оружия массового уничтожения инициатива в их развертывании принадлежала США. Авторы рецензируемого документа считают необходимым привлечь широкие слои общественности для обсуждения проблемы разоружения и предотвращения ядерного конфликта. По этому поводу следует указать, что в антивоенном движении в настоящее время широко представлены различные группы советской общественности: молодежь, ученые, писатели и т. д. В подготовке советских предложений по разоружению, в разъяснении опасности ядерного оружия, в предотвращении милитаризации космоса участвует большая группа экспертов-специалистов по соответствующим отраслям науки. Лишь политической наивностью либо сознательным искажением истины является утверждение о том, что советская общественность стоит в стороне от поисков путей предотвращения ядерного столкновения. Следует также заметить, что современные системы оружия имеют такую степень сложности, что практически невозможно, да и нецелесообразно привлекать к обсуждению этих проблем неподготовленных людей.

Таким образом, авторы документа искажают сущность внешней политики советского государства, рекламируя позиции западной пропаганды.

Подпись: Куцев.

В) ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДОКУМЕНТУ «ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДАМ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМ СССР И США ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ»

(фрагменты)

Судебная экспертиза произведена экспертной комиссией в составе: доктора юридических наук, заведующего кафедрой Института им. Р. А. Руденко профессора Игнатенко Г. В., доктора философских наук, заведующего кафедрой истории и философии Уральского государственного университета, профессора Любушина К. Н., доктора философских наук, заведующего кафедрой исторического материализма Уральского государственного университета, профессора Орлова Г. П.

На основании Постановления старшего следователя Прокуратуры пос. Советский Тюменской области Михеенко от 4 августа 1982 г. об уголовной ответственности по ст. 181, 182, 190 эксперты Игнатенко, Любушин, Орлов рассмотрели переданные им на экспертизу документ и установили следующие два момента:

1. Программа общего поиска решения и установления доверия. Конкретные ее пункты отличаются предельной наивностью и не идут ни в какое сравнение с теми сотнями мирных предложений, с которыми в последние годы СССР выступал на мировой арене, но которые в большинстве случаев были блокированы со стороны американских империалистов и их союзников.

Идеологическая основа «программы» утопична. Ее авторы исходят из идеи создания со стороны СССР и США «независимых общественных групп для организации диалога».

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Примени-

тельно к нашему обществу, такая идея означает создание групп, «не зависящих» от той борьбы за спасение человечества, которую ведут партия и правительство, весь народ. Общественность в лице этих групп, в соответствии с документом, должна стать объективным противником «опасных попыток извлекать сегодня политическую выгоду за счет будущего всего человечества». Таким образом, клеветническим по существу является этот вывод, уравнивающий борьбу СССР за мир с попытками извлекать из этого политическую выгоду.

2. Идейная установка, просвечивающая в «программе». Эти установки внешне связаны с идеей беспартийности. Идея такая буржуазна и четко проводится в рассуждениях авторов документа. Здесь прямо сказано, что достижение объективности в вопросах разоружения с обеих сторон затруднено государственными, идеологическими и партийными интересами и обязательствами. В отношении США вывод справедлив, но разве интересы нашего государства, нашей партии требуют гонки вооружений, подготовки новой мировой войны? Такого рода требование прямо противоположно существу марксистко-ленинской идеологии, положениями которой руководствуется СССР в своей деятельности. Авторы документа явно клеветают на великое и гуманное учение Маркса и Ленина, которым руководствуются коммунисты. Они клеветают и на реальную политику СССР, правительство СССР и руководство КПСС. (...)

Переговоры о прекращении гонки вооружений, запрещение ядерного оружия расцениваются как стремление достичь односторонних военных преимуществ, в том числе и для СССР. Подобные заявления являются ложными по существу, клеветническими по содержанию, порочащими советский государственный и общест-

венный строй. Указанные обвинения и их идеологическая основа имеют антикоммунистический, антисоветский характер. Наиболее злобные фашиствующие круги империализма всегда обвиняли СССР в агрессивности и прикрывали подобной клеветой подготовку очередной войны. Либеральные буржуазные интеллигенты, опутанные антикоммунизмом, приравнивают ответственность, толкуют об агрессивности обоих блоков. (...)

Апеллирование к советской общественности через «голову» партии и правительства, выражающих интересы всего советского народа, считающих борьбу за всеобщий мир сущностью своей внешней политики, является их дискредитацией. «Обращение» изобилует демагогическими и декларативными предложениями, которые объективно оборачиваются клеветой на миролюбивую политику СССР. Таким образом, по своему объективному содержанию данный документ «перепевает» враждебные социализму идеи и содержит антисоветские политические оценки внешнеполитической деятельности советского правительства. Несомненно, распространение такого рода документа объективно направлено, независимо от положений подписавших их лиц, на подрыв морально-политического единства нашего народа (...)

Заявляя, что и мы (а не только американские лидеры) стремимся использовать переговоры «для достижения односторонних военных преимуществ», что наши идеологические и партийно-государственные интересы якобы несовместимы с перспективами таких договоренностей, которые бы соответствовали интересам народов, составители обращения, распространяя заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, как фундамент советской внешней политики, сознавали клеветнический ха-

рактически и потенциальные вредящие последствия их измышлений. (...)

В соответствии со ст. 62 Конституции СССР, граждане СССР обязаны оберегать интересы советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Этой конституционной нормой явно противоречит поведение составителей «обращения», направленное на подрыв интересов советского государства, на ослабление его международно-го авторитета. Согласно смыслу советской уголовно-правовой доктрины, для фиксации преступления по ст. 190 УК РСФСР не требуется установления реальных (действительно наступивших) последствий. Здесь решающее значение имеют целенаправленность действий с вполне определенным умыслом, в котором воплощено желание или сознательное допущение вредных для советского государства последствий. Такого рода целенаправленность (умысел) имеется в данном конкретном случае. (...) Такая целенаправленность усугубляется призывом «создавать смешанные международные общественные группы, основанные на принципе независимости». Совершенно очевидно, что начальной стадией создания какой-либо международной группы является формирование инициативных национальных групп, которые призваны установить «международные» об-

щественные группы. Призыв к объединению международных общественных сил в общественные группы (есть) не что иное как призыв к формированию в пределах нашего государства группы «инициаторов».

Внешняя ориентация — ослабление позиций советской дипломатии на ведущихся переговорах, подрыв авторитета советского государства, его руководства в глазах тех международных сил, которые рассматриваются нами (и реально могут быть использованы) как эффективный резерв в антиимпериалистической, антимилитаристской борьбе, направленной на обеспечение разрядки, на ограничение вооружений и разоружение.

Не исключено намерение составителей «обращения» распространить этот документ за пределами нашей территории (весь замысел обращения и его заголовок ориентирован, так сказать, на международный резонанс). Призыв к обеспечению «свободной» информации о разоружениях обеих сторон и о размещении вооружений равнозначен намерению раскрыть советский оборонительный потенциал перед лицом потенциального агрессора.

Подписи:

Игнатенко, Любушин, Орлов.

ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

Потянуло горелым.

В уличных переходах стали встречаться бездомные дети. «Правду», если кто и выписывает, — не читает. Подъезды давно прекратили мыть.

Вот свобода, о которой предупреждали нас лучшие люди России. Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, говорил еще Александр Пушкин, но у выхода вас подстерегают братья, которые до тех пор вас стерегли: они радостно отдадут вам свой меч.

...Все сбылось. Мы вертим в руках иззубренный, ржавый меч утомленной власти и мыслим: на кой хрен нам сей экспонат?

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Инструмент общественного воздействия у нас, тем не менее, появился. Убивают заметно больше людей, чем в годы застоя. Убивают, правда, больше внутри страны, чем снаружи, что привлекает к России симпатии просвещенных народов. Убивают чаще на улицах, чем в укромных местечках, как прежде. Убивают не специально отобранные государством и получившие специальный допуск проверенные лица, а кто попало: гражданские, прогрессивно настроенные, реакционно настроенные убивают тоже; иногда к тем и другим присоединяются военнослужащие. Убивают и в

одиночку, но предпочтительно — толпами.

Вообще, принято стало все делать толпой — протестовать, истреблять, ликовать. Массовые жанры преобладают. Кинематограф перестал трагиться на массовки: когда нужно, прямо выезжают к месту погрома. Правда, и это рискованно: по операторам стреляют.

СУД ИДЕТ

Зато — свобода. И во всем виноват Горбачев.

Сегодня граждане СССР могут все, или почти все, чего не смели до перестройки. Мы вступили в эпоху исторической справедливости. *Из письма в редакцию: «Близость народного суда над клеветами старого режима не подлежит никакому сомнению. И нынешнее поколение советских людей еще увидит своих душистелей на скамье подсудимых» (О. Т., пенсионер, г. Москва).*

Историческая справедливость, таким образом, заменит нам коммунизм. И она значительно проще в кадровом отношении: клеветы и наймиты старого режима ответят перед «судом истории». История же будет представлена достойнейшими, самыми передовыми из своих сынов, — теми, кто уже теперь покидает ряды бывшей правящей партии и всту-

пает в будущее, стараясь не прогадать, — кто в следующем авангарде.

Самые прожженные из клеветников прямо перебегают в судьи и судят братьев по классу. Историческая справедливость тем самым наступила не вообще, не абстрактно. Историческая справедливость наступила на тех, кто не успел отскочить.

По демократически избранным Советам рыщут не различные друг от друга спонсоры и тормозят народных избранников: мы вам помогли? — Помогли. — Давай делиться!

Из письма в редакцию: «От нас так долго скрывали, что истинной правдой, венцом нормальных человеческих отношений является частная собственность. И капитализм — это просто высший общественный строй... Между тем, в нашем обществе у многих скопились несметные богатства, нажитые бесчестным путем. Они должны быть конфискованы и переданы в собственность неимущим, жертвам партократии и т. п.» (А. Ш., инженер, г. Кострома).

НАШ ДОБРЫЙ ЗВЕРЬ

О, сколько у нас новых впечатлений! Как бедно, скудно жили мы в годы застоя. И как богаты и сыты теперь — впечатлениями!

Мы видели, как узники выходили из застенков.

Мы видели, как вышедшие из застенков — узники — разделились: одни уехали навсегда, другие стихли, третьи приняли меч из рук братьев-надзирателей во имя тех самых лозунгов, отречение от которых в старые времена стоило тюрьмы: «Слава народу!», «Долой тех, кто нам противится!»

Но у всякого лозунга две ручки — вторую держат бывшие следователи.

Итак — победа. Одно из впечатлений от победы справедливости есть

то, что в истории справедливость бывает еще отвратительнее несправедливости. Это не мешает ей, впрочем, все-таки быть справедливой, — зато помогает оплачивать услуги своих менеджеров, спонсоров и комиссаров. Итак — «спящий пробуждается». Но кто он, спящий?

Народные демонстрации против турок в Болгарии — и погромы турок у нас на Востоке; народные демонстрации в защиту смертной казни в Румынии — и народные убийства у нас, где попало, — вот новое лицо народа, которое открывается среди других лиц и личин.

... Мы видим революции, не отличимые от Вандей.

... Мы видим интеллектуалов, присягающих кровожадным толпам; они присягают именно тому, над чем малодушно вчера потешались, что высеивали шепотом; они славят молодого зверя за то, как смело он пожрал старого.

Они друзья юного зверя. И он их пока не ест.

Из письма в редакцию: «Жертвы! Будьте сами революционерами!... Пора наконец установить декрет о власти! Сорви маску с лицемера! Победи его!» (Демократическая партия справедливости, Расчетный счет №... в Сбербанке г. Новосибирска).

КАРТИНКИ

Говорил же китаец: не бойся стариков — эти при смерти. Бойся молодого, энергичного, гибкого — зла. Я особенно соглашаюсь с ним, когда разглядываю картинки. Кто краше: Брежнев кисти Глазунова или врублевский Люцифер?

Я кладу перед собой и разглядываю две картинки: «Заседание Государственного Совета Российской империи» Репина и фотография юного Джугашвили, невыбритого и в шарфе, почти по моде этого сезона. Вызо-

лоченные жирные старики, изъязвленные всеми пороками возраста, власти и богатства — и гонимый мятежник в шарфе, молодой Просперо... Как он легок и худощав! Как просто вообразить (не русского царя, не Чаушеску...) именно его в луже собственной крови, на неостывшей еще после дня тифлисской мостовой: погони, пальба, гибель смельчаков, гордых, славных...

В каком же порядке мне начинать вычеркивать живые лица? Кого по очереди бояться, вглядываясь в групповой портрет времени, в репинские мазки густой крови — лица Сталина, Бердяева, Ленина, Льва Гумилева..? Из какой темной норы вышли те, кто говорит: «Забудь. Ты ни в чем не виновен. Виновны лишь те, кто мертв,— и те, кого должно убить...»?

УРА!

Недавно получаю письмо из Казани — читатель упрекает меня в невежестве. Зачем я пишу, что «ура!» по-татарски значило «смерть»? «Ура» по-татарски значило «окружай!» (№ 1/90).

Я с удовольствием исправляю допущенную ошибку: читатель! Заслышав громовое «ура!», оглянись — вас окружили.

ГРАФ ПОТЕМКИН — ПЕРЕСТРОЙКЕ

Темнеет.

Я ступаю по улице родного города — недолгим проулком, которому посчастливилось прозябать в стороне от магистрали. Тут всегда голуби, герань в окошках и почти не бывает автомобилей. Табличка с именем улицы: «Улица Юрия Олеша»...

... Пойдите — ее тут не было. У этой улицы — другое имя! Гласность посетила, однако, и этот дальний околоток: новой белой табличкой с новым же наименованием.

Табличка написана на фанерке (новая власть пока небогата) и прибита поверх старой, из-под нее выступающей настолько, что можно узнать даже имя (новая власть уже не стесняется...): «Улица Дмитрия Лизогуба». Историческая справедливость восторжествовала и здесь, где до нее никому не было дела. Ибо государственный преступник Дмитрий Лизогуб справедливо повешен еще законными властями Российской империи. И повесили-то за дело — помогал народникам, революционерам (...бес, прихвостень большевистский!), да и фамилия сомнительная — «некоренная»... Переименовать!

Я глядел на все это, задумчиво вытирая с лица сей очередной плевков перестройки, и гадал, что он мне напоминает. Указатели, прибываемые оккупационной армией поверх прежних, на языке победителя? Или — потемкинские деревни? Те и строились где-то в этих краях Новороссии и обживались, притерпевались в них поселившиеся люди к обычаю угодливого бесчестья, — и вооружались, чтобы кто дерзкий не вздумал пошатнуть их хлипкие декорации, ковырнуть их размалеванные холсты...

«Не трогай — убью».

ЕЩЕ РАЗ: УРА!

В дни Февральской революции (день в день, за 70 лет до Сумгаита) стукачи с полицейскими штурмом взяли оплот самодержавия — архивы жандармского управления, и сожгли их, скандируя: «Ура!», «Долой царизм!», «Долой Николая Кровавого!»

Во все времена крови предшествующей власти требуют именно ее жив-

чики. Именно они — главные антифашисты, главные демократы, главные антикоммунисты эпохи (глядя по реквизиту). И всегда можно быть уверенным — от них не только добра не будет. Добро сохранится лишь там, куда они не дотянутся.

Ведь им не убедить страну в своих исконных правах на царство. Они не могут обладать престолом, пока живы те, кто помнит их как городских или рассыльных «по особым поручениям». Когда я стану лордом и буду развезжать в карете, говаривал одноногий Джон Сильвер, я не хочу, чтоб ко мне, будто черт к монаху, ввалился один из тех, кто повидал меня в пиратах, — из-за того лишь, что я пожалел выпустить ему кишки!

...Нет, их не признают политическими мудрецами, пока в стране говорящих по-русски жив хотя бы один, действительно читавший Свифта, Достоевского, Щедрина. Следовательно, у этих шутов гороховых не остается другого выхода: завтра они примутся убивать. Они еще не умеют, стесняются, чуть что — поминают Сахарова...

Но я никому не посоветую забываться настолько, что, отворачиваясь от новых политиков, подставлять им неприкрытую спину.

(Однако во всем виноват Горбачев.)

УСЛОВИЯ НЕНАСИЛИЯ

А вот письмо, которое меня испугало.

Автор его (Г. Г. из Москвы) чрезвычайно одобряет мои статьи в «Веке», однако озадачен и встревожен присутствующей в них интонацией: не ограничиваться моральным осуждением насилия. Инкриминируемая мне фраза (при описании одного из обычных у нас зверств) звучит так: «Какой ряд событий приводит к со-

стоянию власти и человека, когда можно так поступать, не рискуя быть убитым на месте?» (№ 1/90). Эти слова читатель называет «чудовищным доведением», несовместимым с идеей правового государства.

Видимо, мы слабо представляем себе, на чем стоят институты правовых государств. Они стоят на убежденности их граждан в существовании у человека естественных стремлений, признаваемых здоровым смыслом всякого другого человека. В странах с самым гуманным законодательством (исключающим и смертную казнь) всякий, кто полез ночью в частное жилье, рискует быть убитым на месте хозяином дома. Тем более, это знает всякий, кто покушается на жизнь и безопасность гражданина: закон, ограждающий от произвола даже права убийц, тем более не ставит под вопрос право человека перед лицом явного насилия отстаивать себя, как и чем сумеет. Закон гарантирует безопасность обвиняемому — но не преступнику.

Это хорошо известно всем цивилизованным странам, кроме одной — той, где человек не смеет защищаться сам, потому что обязан дожидаться защиты от государства. Той, где интеллигенция и милиция едины в одном: они осуждают насилие после того, как оно состоялось. Той, где слово «компьютеризация» по актуальности сравнимо лишь со словом «погром».

...Едва ли демократия спасает от гражданских конфликтов, в том числе и с применением силы: памятнах восстания в негритянских гетто 60-х годов, не угасает ольстерский террор. Но невозможно представить себе «нормальный» погром — типа Ферганы или Сумгаита — в США по единственной причине: навстречу осажденной толпе непременно раздадутся выстрелы.

Толпа — прирожденный трус. Остановленная сопротивлением гра-

ждан, она рассыпается, оставляя поле битвы закону.

Не встречая себе сопротивления, идея погрома становится всеобщей, и насилие воплощается в легальных структурах. Жертва «незаконного» насилия обязана дожидаться своего конца, чтобы доставить затем согражданам-зрителям удовольствие повторного насилия — государства над убийцей.

...Те, кто не любит сопротивляться, — рискуют вами. Это хорошо известно ГАИ: при авариях шофер подставляет сидящих сбоку от него. В перестройке тоже очень заметно, что ее делают те, кто не любит рисковать собой (освящая себя именами тех, кто рискнул). Именно потому «бесподобная революция» грозит оказаться, в конце концов, кровавой октябрьского переворота.

...Десять тысяч убитых в гражданских конфликтах внутри страны — счет перестройки на сегодня. И каких убитых: порубленных топорами и саперными лопатками, сожженных, кастрированных, изнасилованных. Смятых толпой советских людей — без единого выстрела навстречу.

«РЭМБО» НАМ ЧУЖД

Можно по-разному описывать несчастья нашей родины. Но одна из главных причин их то, что сегодня СССР — страна слабых. Это страна, где толпы людей могут мучить, убивать, изгонять тех, кого меньше, и этому некому помешать (а тем временем власть, армия и интеллигенция ищут ответа на вечные вопросы — что делать, кто виноват...) И оглядываясь на сорокалетие, прошедшее под знаком Победы, когда мы накапливали горы обмундирования, военных кинофильмов и боеголовок, давайте подведем итог — мы создали в России небывалое: воспитали в народе

труса. Сегодня основное национальное изделие русских — слабак.

КОЗЕЛЬСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ

Мне всегда представлялась сомнительной и опасной идея самоценности жизни без внимания к выставляемой при этом цене. Ведь жизнь во всяком случае не дороже — чужой такой же. И есть случаи, когда даже евангелист остерегает: свою — не спасай.

Еще на заре гласности, в полузабытых спорах «о мире и выживании человечества» чуткое ухо настораживал этаким блатной налет: о чем спорим, господа? Жить-то всякий хочет. Айда выживать! Почему-то это называли «новым мышлением».

...Выживать? Так начинать надо было не теперь, а по крайней мере с осады Козельска. Сдали б городок татаро-монголам, выбрали б Батые в президенты России, да под Батыем и выжили: вот вам и новое мышление! Ан нет, предпочли «тотальное уничтожение».

...Погибали все, истреблялись повсеместно, всем их тогдашним миром. И не был им тот мир меньше нашего...

ЕЩЕ ОДИН ЭКСТРЕМИСТ

Так погиб семь лет назад Виктор Томачинский, интеллектуал, автомеханик, прирожденный лирик, вечный диссидент. Как и все, он вечно писал письма протеста, ходил к судам, где карали политических, задирался с милицией и КГБ.

Я помню его реакцию на Афганистан в 1980-м: он отправил Вальдхайму открытое письмо, где потребовал ответных акций сил ООН. Но и тогда не утомился, и все оставался в какой-то лихорадке, дожидаясь вестей о начале Сопротивления (они по-

явились значительно позже). Представляешь, — говорил он, тыча пальцем за занавеску, — здесь, у меня под окнами в Трубниковском появляются чьи-нибудь танки! Кем надо быть, чтобы такое стерпеть?! Я бы вышел...

— Да что бы ты поделал против танков? И если это — танки ООН? Ты же сам их призываешь в Кабул!

— **Чьи угодно.** Хоть с вилами, а — вышел бы на улицу. Дом — мой!

...Он так и погиб, со своими вилами. С выездной визой в кармане, уже имея билет в США, — не утерпел подать в районный суд на Комитет государственной безопасности СССР!

8 декабря 1981 года суд рассмотрел заявление и признал себя некомпетентным. В тот же вечер сам истец был взят и срочно осужден по сфабрикованному делу. В Вологде, в местной тюрьме, брошенный без лечения и, получив второй срок по второму сфабрикованному же делу, он погиб в июле 1983 года.

Сегодня мы спорим о ненасилии благодаря тем, кто не хотел все стерпеть. И внуки тех, кто не умел стерпеть, печатают в журналах статьи-поучения предкам: дураки деды! Кому нужны были ваши листовки, ваши тюремные вши, ваши нары? Перетерпели бы барские порки, а там, глядишь, Освободитель бы и освободил. — а там и Запад бы помог, и Константинополь был бы наш. И Южная Корея производила бы свои компьютеры в составе Российской Советской Федеративной Империи...

Эх, Лизогуб, Лизогуб!..

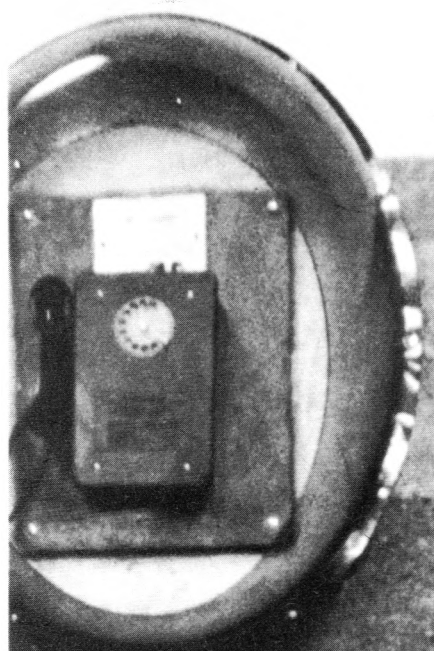
А ВДРУГ?

Те, кто погиб, — погиб: никого из них нет сегодня, когда мы озираемся в поисках помощи. Нам кажется, что нас бросили погибать среди проблем, каких не приходилось прежде решать никому. Мы видим себя окруженными врагами и тайными изменниками. Нас опутала мафия. Нас коварно губит партократия — и во всем виноват Горбачев. У нас нет ни сил, ни идей, ни, честно говоря, смелости на новые подвиги.

...Но, может быть, мы неверно видим происходящее в эти дни? Может быть, великие вопросы встали не сегодня и даже не вчера и поставлены были не публицистом в последнем номере выписываемого нами журнала?

Что если они и решаться начали еще до нас? Что если и то прошлое, которое нас «душит», — есть непрекращающаяся по сей день работа: старинное дело свободы?

И, может быть, кто погиб своей смертью, отвели от нас худшее? Разве не удивительно, что нашлись такие, кто готов был погибнуть, оставляя будущее нам, таким, которые едва ли вдохновляют на жертву? И теперь нам остается лишь включиться, войти в эту с незапамятных времен совершающуюся работу?

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

